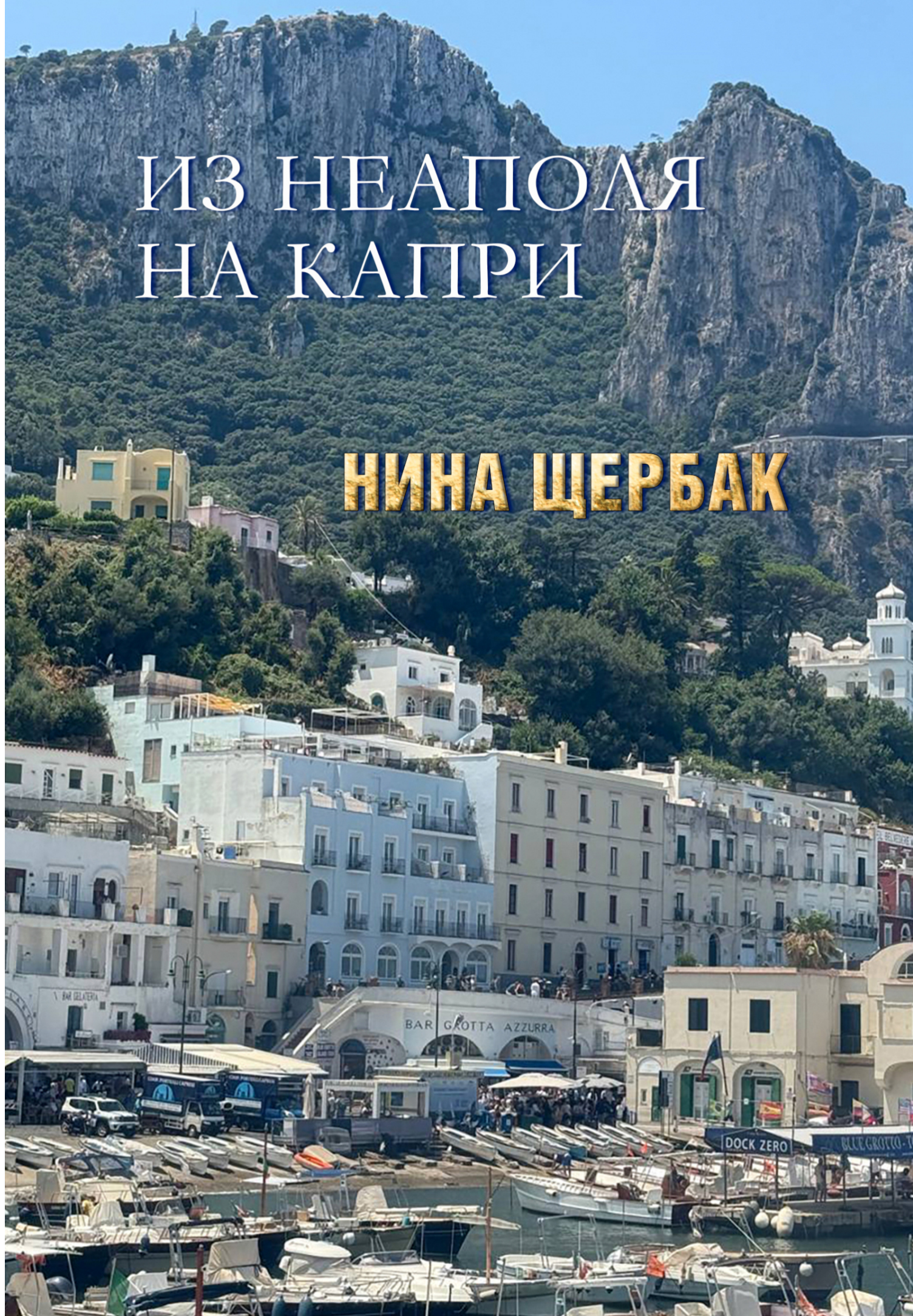

ИЗ НЕАПОЛЯ НА КАПРИ

НИНА ЩЕРБАК

Нина Щербак

Из Неаполя на Капри

Творческое объединение "Неформат"

2025

Щербак Н. Ф.

Из Неаполя на Капри / Н. Ф. Щербак — Творческое объединение "Неформат", 2025

В книге Нины Щербак «Из Неаполя на Капри» собраны рассказы, написанные в разное время, но объединённые одной темой — поиском смысла в человеческих отношениях и хрупкой гармонии между людьми. Герои — Критский, Крейслер, Юрочка, Марианна, Луиза, Лаура и другие — встречаются на разных континентах, в разных обстоятельствах и эпохах, но каждый раз перед ними встаёт один и тот же вызов: понять друга и не потеряться в собственных чувствах. Романтические истории Критского и Марианны, Крейслера и Марианны, Юрочки и Лауры становятся эмоциональными вершинами книги. Однако именно Марианна, с её внутренним «космосом», создает особое напряжение и вдохновение, оживляет повествование и указывает героям путь в будущее. Её сила — в способности превращать конфликт в опыт, из которого каждый выходит победителем. Рассказы складываются в своеобразный коллаж, где мгновения любви, недопонимания, ожидания и радости становятся отражением человеческой судьбы. Попытка остановить момент, уловить дыхание времени, передать сиюминутное настроение — важная часть нарратива. Эта книга — о том, что даже в «зонах дискомфорта» отношений любовь остаётся единственным, что способно примирить и соединить. Каждый рассказ — новый ракурс, новое лицо вечной истории о том, что мы все живём в поисках утраченного времени и всегда пытаемся удержать то, что действительно ценно.

© Щербак Н. Ф., 2025
© Творческое объединение
"Неформат", 2025

Содержание

От автора	6
Жена посла Аргентины	10
Колыбель над пропастью жизни	17
Желтые фонари	22
Снег на Гавайях	27
На Семи Холмах	31
В тени деревьев	36
Картинная галерея	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нина Щербак

Из Неаполя на Капри

От автора

О тексте, интерпретации, интересах

Предваряющее интервью.

– Что Вы считаете в жизни самым интересным и почему?

Это ужасно, но я считаю в жизни самым интересным творческую работу. Мне кажется, что нет ничего интереснее. Другая реальность позволяет творить чудеса. Это относится и к преподавательской работе, и к книгам, и к лекциям, и к онлайн курсам.

– Расскажите о Ваших любимых книгах.

Я затрудняюсь назвать все. Мне кажется, что самые любимые книги это те, которые оказали такое влияние, что захотелось следовать их канве в жизни. Хотя, по большому счету, копировать книги в жизни – очень наивная идея, из прошлого. Но в некотором смысле, если идеал хороший и достойный, то подобная практика превращается в воспитание, и правильного воспитания. Из многих книг я бы назвала, например, «Мелкого беса» Федора Сологуба, романы Ивана Тургенева, повесть «Петербург» Андрея Белого, «Повесть о Сонечке» Марины Цветаевой, рассказы Стефана Цвейга, роман Ивлиева «Возвращение в Брайдсхед».

– Почему именно такой выбор?

Литературный выбор часто диктуется чисто субъективными ощущениями. Мы же не всегда знаем, почему нам нравится та или иная музыка? И очень важно, как и кто рассказывает Вам об этих книгах. Я, конечно, всегда старалась проживать книги, пытаться ощутить их, но это не всегда уместно. Каждое произведение нельзя прожить, но какие-то вещи остаются в сознании.

– Вы имеете в виду русскую классику?

Мне кажется, что русское самосознание воспитано во многом русской классикой. Идея «тургеневской девушки», и так далее. Это идеал, который закладывается в раннем возрасте. Письма Татьяны Лариной, или бедная Лиза Карамзина... Поэтому Иван Тургенев для меня – это автор, который создал идеализированное представление о жизни, слишком надломленное, тем не менее, мною очень любимое. Тургенев ведь, насколько я знаю, был сам в положении человека глубоко несчастного и постоянно безнадежно влюбленного. Я всегда вспоминаю, как посещала под Парижем поместье Буживаль, куда он последовал за Полиной Виардо. Туда, где он жил в квартире, болел и радовался только тому, что слушал, как эта оперная дива ходила по своей квартире наверху, совсем близко от него. То есть, в некотором смысле, получается, что литература нас формирует, а потом это формирование – заканчивается, когда Вы понимаете, что текст был продиктован собственной жизнью автора, собственными травмами. При всем при этом, не любить потом эти произведения очень сложно.

– Вы говорили о Чехове?

Я недавно перечитывала не только Тургенева, но и Чехова. Меня поражает до какой степени потрясающей становится его недоговоренность, мизансцены, нестыковки, молчание, нервность, оборванные струны. Чехов настолько инноватор, экспериментатор и ценитель

жизни, что становится жутко и страшно, и удивительно прекрасно от одной мысли, что Вы погружаетесь в это русское ощущение жизни, без надежды, и все равно с какой-то сиюминутной возможностью выживания.

Английская литература, вернее, литературоведение, позволю себе сказать, иногда в этом плане идет несколько впереди. Там стараются заглянуть вглубь текста, ощутить его потайные коды. Например, в направлении постколониальная литература есть такая тенденция – развешивать старые идеалы. Идеалы стагнации и стереотипов. Если для XIX века считалось, что в романе «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте особый интерес представляет собой Джейн с ее бесконечной любовью к мистеру Рочестеру, рыцарю и кумиру, то в романах постколониальной литературы, возникает такая фигура как автор Джоан Рис, которая пишет роман «Широкое Саргассово море». В этом романе история рассказывается от лица первой жены мистера Рочестера, креолки, которую автор Шарлотта Бронте в известном романе XIX века – сожгла на чердаке. Новый роман – это история становления юной креолки, а не белого британского колонизатора, ее собственная судьба, вне колониальной зависимости, собственная идентичность.

Если под этим углом посмотреть на русскую классику, возникнет огромное количество вопросов, которые очень болезненно обсуждать. К примеру, с точки зрения психоанализа классики литературы все попадают под определенные комплексы. И даже Пушкин – под комплекс кастрации, то есть страха. Этот страх – как считают литературоведы психоаналитического направления, диктует паттерны поведения, расстройств, безнадежности, томления, которые могут возникать в произведениях русских авторов. Пушкин, конечно, совершенный гений, светлый гений, поэтому дело не в комплексе, а в том, что подобная неуверенность в себе в общем-то характерна для русского человека. И с этим не то, что нужно бороться, но принять это, понять, может быть, внести коррективы.

Или другой пример. Русские символисты. Такие удивительно красивые, чудесные стихи. Когда вы смотрите психоаналитическую трактовку, вы видите, что им присвоен термин «истерия», то есть в некотором смысле – преследование несуществующего идеала. Подобный «приговор» несколько не снижает красоты поэзии Блока или Цветаевой, но дает определенные ответы, следует ли этим идеям следовать в жизни.

– А Марина Цветаева?

О Цветаевой мне сложно говорить, потому что ее поэзия – настолько сильно отличается от любой другой, настолько пронизывающе гениальна и сильна, что в общем-то ей и правда – нет равных. Ее Иосиф Бродский выделяет среди четырех золотых имен мировых поэтов. Тем не менее, в процессе представления этой поэзии складывается определенный паттерн поведения, который может не то, что навредить, но принести очень большие страдания. Умный человек это хорошо понимает. При всем при этом, когда я читаю «Повесть о Сонечке», или даже смотрю художественный фильм о Цветаевой, конечно, не попасть под ее очарование и губительную силу очень сложно.

Культура, таким образом, насколько спасает, настолько она может быть губительна.

– А современный мета-модерн?

Да. Именно поэтому в современную эпоху возникает мета-модерн. Это искусство – новое, наивное, приземленное, якобы искреннее. Это смесь комиксов и ностальгии, постоянное раскачивание от серьезного к ироничному, и обратно. При всем при этом, только такой паттерн неоромантики и неореализма дает возможность выживания.

Вот почему наше молодое поколение более приземленное? Скорее всего из-за того, что им удастся не пользоваться романтической амплитудой чувств, они более практичны. Яркий пример этого – роман моего любимого писателя Э. Лу «Во власти женщины». Э. Лу – норвежский писатель, который пишет «обвязками», как сценарист. Он пишет обвязками и создает в тексте сцены. Но история его любви – словно приземлена. Он, например, когда рассказывает о своей подруге Марианне, пишет весьма «неромантические вещи», хотя чувств у него море. Долго

рассказывает, как Марианна выбирает красное вино, и как она просит его комментировать вкус этого вина. Он, будучи мужчиной сдержанным, как все скандинавы, не знает, что делать. Поэтому – начинает давать односложные комментарии. Марианна требует большего! Наконец, наш герой вынужден сказать, что это дерзкое вино, как уверенный в себе, нормальный мужчина просто поддакивает женщине, только бы она успокоилась. Но Марианна, не замолкая, требует еще дополнительных эпитетов. В этой борьбе и попытке понять друг друга – мужчине и женщине – много от современного положения вещей, когда личное взаимодействие становится главенствующим.

Другой яркий эпизод Э. Лу вот такой. Герой просыпается ночью и говорит, что плачет от любви, а когда встречается Марианну с новым парнем, бросает только единственную фразу: «Встретил ее с компьютерщиком. Он мне не понравился». Вместо того, чтобы, как в былые времена, набить ему физиономию. То есть вся амплитуда чувств снижена.

Мета-модерн действует в искусстве потому, что он приходит на смену прошлым эстетическим ценностям, но в искусстве всегда действуют такие понятия как гибридность и амбивалентность.

– А Стефан Цвейг?

Это все авторы прошлых поколений, это очень сильная романтизированная проза. Она романтизирована идеей абсолютов. Стефан Цвейг переживал колоссальные трагедии в своей жизни, уехал в конце жизни с женой в Америку, потом в Бразилию, где покончил жизнь самоубийством. Тем не менее, его проза – это своего рода эталон истории чувств, в общем-то ушедших из повседневности, относящиеся к военному времени, совсем к другой эпохе.

– А когда наступила эта эпоха перелома?

После Второй мировой войны в Европе поменялись ценности. Они очень сильно поменялись, потому что после Второй мировой войны нельзя было говорить о жизни и любви, как было до Войны. После страшной трагедии, которая обрушилась на Европу, художники, музыканты, поэты изобретали совершенно иные методы и способы жизни своих произведений. Была заново построена система ценностей в искусстве, заново сформирована. В Америке были такие писатели как Теннесси Уильямс, который написал «Трамвай „желание“», в котором словно воочию мы увидели, как образы прошлого в лице Бланш Дюбуа (в одноименном фильме играла замечательная актриса Вивьен Ли) – гибнут. Героиня попадает в сумасшедший дом, не в состоянии вынести, что ее идеалы рухнули. Перья, кинематограф, влюбленности – рушится все. На смену приходит ценность в виде грубости, насилия и животной машины, в лице главного героя. Вот такие перемены.

Как это было отразить в искусстве? В искусстве появляются совершенно иные формы воздействия, новые формы жизни, которые рушат старые стереотипы.

– Например?

Например, появляется понятие «новая музыка». Новая музыка рушит привычные схемы. Я заимствовала понятие новой музыки у музыкантов, своих лучших и дорогих друзей. Там возникает целый ряд удивительных инноваций, которыми художники и музыканты пользуются. Они пользуются тем, что форма произведения претерпевает изменения. Появляются, например, понятия мультипликации, аккумуляции – они становятся важнее привычной репрезентации. То есть произведения искусства коренным образом трансформируются.

– И?

Современный автор пытается все примирить. Оппозиция – парадигма прошлых времен. Музыканты всегда пытались все примирить, но послевоенное время диктовало совершенно иные условия. Поэтому, кстати, в постколониальной теории литературы появляются понятия гибридности и амбивалентности. Это ближе к истине. Нет жестких оппозиций. Нет привычных схем. Если изображена яркая сцена на картинке – она не связана совсем с этическими нор-

мами. Это форма воздействия. Искусство должно ранить – вот лозунг послевоенного времени. Поэтому меняются и механизмы восприятия.

– А текст?

Любой текст претерпевает ре-интерпретацию. Каждый раз при чтении текст высвечивает для читателя новые значения. Есть такие еще «зоны не-комфорта» в психоанализе. Эти «зоны не-комфорта» – слова и мотивы, которые задевают при чтении. Своеобразные «зеркала» психики, которые говорят, где находятся зоны травмирования у читающего. Так вот, если хоть какая-то идея, или слово, или логика не нравится, это часто не объективное знание, а субъективное. Можно задуматься – почему не нравится.

А правильный подход – стараться во всем видеть хорошее, в любой ситуации, в любом тексте. Отстраняться от него. Проживать книги можно и нужно иногда, но не до степени потери сознания. Отстранение позволяет оценить ситуацию более здраво, сделать выводы в отношении будущего.

Беседовал Арсений Сиротин, для Т/О «Неформат»

Жена посла Аргентины

1.

Маша познакомилась с ним в самолете на Каир, сразу заметив его смуглое лицо, морщины на щеках и накаченный торс. «Какой-нибудь дипломат, наверняка», – подумала она, внимательно наблюдая за тем, как он укладывал свой кожаный портфель в отсеки навверх, а потом устраивался поудобнее, разложив свои электронные приборы перед собой, каждую минуту глядя в окно, и хмуря густые брови.

Она даже не предполагала, что ей удастся его разговорить. Она не представляла себе, что он будет отвечать не ее вопросы, или проявит к ней хоть какой-то интерес. Тем, не менее, как только погасли надписи «пристегните ремни», и самолет, судя по всему, набрал должную высоту, она уже, вдавившись в кресло, слушала его длительный рассказ, который, казалось, не должен был никому принадлежать, или быть услышанным, но, тем не менее, вдруг ожил, как поникшая птица, затрепетал, и вырвался наружу. Неподвластный рассказчику, или внешним обстоятельствам.

Рассказ был о женщине, которую сосед Маши когда-то встретил, в том же Каире, куда летел, и которую, судя по всему, он очень давно не видел, и которая была ему очень дорога. Соседа Маши звали Джоном, хотя он был абсолютно русским на вид, улыбчивым парнем, похоже в юности, даже напоминал чем-то Есенина. Он рассказывал свою историю Маше не спеша. Произнося всего два или три предложения, а потом продолжая свой рассказ с того места, где начал, совершенно не тревожась о том, что предыдущий конец повествования, его собеседница могла давно забыть.

Его глаза светились, когда он рассказывал, загорались совершенно непередаваемым блеском, становились синими. Он был так счастлив, когда говорил, так улыбчив и юн, что Маша ни на секунду не могла оторвать от него глаз.

– Я был очень романтичен, – говорил Джон, и снова смотрел в окно, как будто бы изучая внимательно и дотошно белые облачка простынного неба.

Он совсем не рассказывал о действиях, или о том, что они говорили друг другу. Это было скорее ощущение от этой женщины, ее трепетности, женственности, удивительного запаса энергии.

– Как ее звали? – спросила вдруг Маша, осознавая каким странным и несуразным был этот вопрос.

Джон не ответил, а только снова стал рассказывать, как они поехали когда-то обедать в Каире к Нилу, как встретили старых знакомых, как он отчаянно ее ревновал, и понимал, что больше уже никогда не увидит.

– Вы встречались потом?

– Мы встречались довольно часто, пока я работал в Каире. Это была движущая сила всего того, что меня окружало.

Странно было видеть этого человека, столь успешного, столь красивого и хорошо одетого, настолько упоенным своим чувством. Маша вспомнила, что когда-то, работая журналистской, познакомилась с одним путешественником, бравый парнем, который ездил на джипах в Африке, нырял в прорубь на Ладожском Озере, организовал свой собственный музей под водой, и приехал везти ее когда-то в аэропорт, как обещал, хотя у него неожиданно поднялась температура до сорока градусов, и он отчаянно кашлял. Так вот, этот парень, ее знакомый,

когда-то на вопрос о женщинах сказал, что это обыкновенная человеческая слабость, и он не может говорить об этом серьезно.

«Что же превращает такую слабость мужчины в силу и любовь?» – подумала вдруг Маша, глядя на этого слегка неловкого человека, который так дружелюбно, спокойно и доверительно рассказывал ей о своей жизни.

– А что было потом? – спросила Маша, – уже начиная даже нервничать и сопереживать по-настоящему. – Вы перестали работать в вашем этом Каире?

– Да. Именно так, – ответил Джон.

2.

Когда Маша вышла из самолета, и потащила свой чемодан по тротуару взлетной полосы, она поняла, что история Европы закончилась навсегда, и ее ждал совершенно иной мир, полный восторга, напряжения и неумолимо фатальной силы.

Здесь было жарко, знойно, было невозможно дышать. В воздухе стоял какой-то непонятный смог, и, казалось, что снующие туда-сюда помощники и служащие аэропорта не отстанут со своим вниманием к происходящему никогда. Они подходили и уходили, просили идти и стоять на всех возможных языках и жестах. Что-то объясняли, а потом снова что-то просили, среди прочего – деньги, но не только.

Рой этих случайных людей и служащих был здесь, казалось, навсегда, упорно наблюдая за чемоданами, переставляя их с места на место, не выпуская толпу туристов за пределы аэропорта, и говоря что-то крикливо и быстро всем и каждому.

Контроль проходили часа три, в помещении, где было, как показалось Маше, человек пятьсот. Включая лиц разной национальности, лиц в пестрой одежде, и бесконечных семей со множеством обслуживающего персонала и жен, которые занимали собой сразу внушительную территорию, которую не собирались покидать никогда.

Маша силилась найти Джона среди толпы, хотя бы глазами, но это ей никак не удавалось.

«У меня такое впечатление, что они все подвергают себя опасности», – подумала неожиданно для себя Маша.

3.

Пока она ехали на машине в отель, удивляясь местным колоритам, запахам, подсветке мечетей, горящим огням, простору Нила, она вдруг почувствовала, что нестерпимо хочет пить. Купить воду было предприятием невозможным, так как машина неслась по автостраде во всеобщем потоке. Она лишь озиралась по сторонам, пытаясь запомнить кроме марева что-то еще, гладь воды, отражения зеленого неба и бликов солнца на затемненных окнах автобусов.

История, услышанная ею в самолете, не давала ей покоя. Как будто бы Джон напоминал ей кого-то из юности, кого-то важного и дорогого, и она никак не могла вспомнить кого именно, но радость этого воспоминания снова и снова согревали, как весточка из другого мира.

Ее поразила его цельность. Поразило, что он работал так много. Поразило и то, что на всех представителях посольства была возложена какая-то явная и неявная миссия. Они выполняли каждодневную службу, и, скорее всего, в определенном смысле рисковали собой.

Рассказ Джона был столь сложным, что его было совершенно не повторить. Сделанный полунамекками, полуобрывками. Успешный и сдержанный человек вряд ли мог ей рассказывать что-то в подробностях. Она запомнила, что это были длительные взаимоотношения с иранским или бразильским посольством на территории Каира, и что там были представители, как дружеских, так и не очень дружеских государств, которые пытались совершать на территории Египта геологические экспедиции.

– Жена посла? – спросила в какой-то момент Маша, как будто бы ей внезапно был дан дар провидения, и одновременно дар смелости.

Джон покраснел, но только слегка. Как будто бы она действительно попала в точку. Он промолчал, переведя тему в сторону геополитики.

Сидя в машине по пути в отель, Маша пыталась воссоздать по крупницам эту историю, объяснить себе самой, что произошло.

Единственное, что она хорошо поняла, и вспомнила, было связано с ее собственной жизнью. Когда-то в детстве, путешествуя по морю на лайнере до Италии, ее семья познакомилась с семьей посла Туниса. Посол любой страны был особо важной фигурой на любом корабле дальнего плавания. А корабль всегда это – закрытая зона дипломатии, зеленая территория примирения. Это был свой особый замкнутый мир. С послом считались, приглашали на обеды и устроенные командой специальные вечера встреч. Но особым вниманием в любом круизе всегда пользовалась жена посла. На этот раз, жена посла была также окружена вниманием, и также – необыкновенно красива. Оба ее взрослых сына были высокими, хорошо одетыми, хорошо воспитанными. Совершенным украшением семьи была младшая дочь, которую одевали в разноцветные платья с оборками, и которая так разительно блистала своей женственностью на фоне взрослых сыновей, как будто бы лилия вдруг посаженная перед самым носом у выпускников Гарварда.

Со старшей дочерью посла получилась у Маши удивительная история. Мерседес было на тот момент лет двенадцать, а ей, Маше, тогда – лет шесть. Они вместе гуляли по палубе, не переставая, ходили взад-вперед по пароходу, находя самые потаенные закоулки: скрытые трапы, гаражи ниже ватерлинии, спортивные тренажеры и кегельбан. Потом, причмокивая и обмениваясь впечатлениями, пили суп у бассейна из красивых пиал, смакуя ароматные соленые сухарики. Как-то родители Маши оставались в баре чуть дольше, обсуждая предстоящие дела и заботы, а она должна была остаться в каюте одна. И вот сидела с ней вечером, эта самая Мерседес. Укладывала спать, приносила свежесжатый сок. Было чудесно осознавать, что дочь из той самой семьи, на которой сосредоточил внимание весь корабль, от матроса спасательной шлюпки, до капитана, была не просто ее Машиной, подругой, но заботливой опекушкой, или даже сестрой, которая так по-доброму, и так рьяно заботилась о ее, Машином, благополучии. Даже в том детском возрасте, Маша хорошо понимала, какая удача ей выпала, и как странно судьба тасует свою бесконечную колоду.

Много лет спустя, Маша вновь и вновь будет каждый раз заново осознавать, как милосердна к ней судьба. Как ей выпадают невероятные знакомства, встречи. Как человек, вдруг сильно понравившийся, становится ее близким другом, или даже любимым.

Добравшись до гостиницы, Маша снова удивилась, как будто бы заново, когда вошла в номер. Он был словно на заказ, почти на взморье, а ширина Нила открывалась во все своей непредвиденной и бесконечной красе, обнажая мечете и их потусторонние блики. Может показаться, что Нил – это океан или море. Но на самом деле, все было совсем не так. Нил – это всегда – неровность, это множество береговых линий. Это километры корабликов, близлежащих отелей, маленьких портиков и ночных закатов, где синее, желтое, алое море сливаются воедино, утопая в зеленовато-иловой воде.

Маша отпила сок, села у окна.

Время снова остановилось.

4.

Самое главное, что поразило в рассказе Джона, было даже не то, что ее нельзя было забыть. А скорее то, что Джон не мог оставаться один. Он должен был быть с кем-то. Потому, что в посольстве нельзя было быть одному. Вы не можете декларировать свои чувства, или

выбирать. Вы должны соответствовать внутреннему канону. Когда он приступил к своей это вынужденной практике, он даже не знал, на что нарвется. Его положение было столь высоко, а желающих было так много, что искушением становился даже сам факт выйти на улицу. Поэтому он наотрез отказался жениться. Ценой своего положения и профессии. Но мир оказался не так жесток, как он думал. Уйдя как-то в отпуск на непродолжительный срок, он понял, что его срочно вернут, что применять к нему обычные законы никто не собирается, и он дожил до времени, когда сможет сделать выбор сам.

– Чем она так особенна? – вдруг спросила Маша.

– Вы знаете, она делает все для другого человека, видит его. Она создавала возможность для мужчины проявиться, стать. Она была совершенным гением.

– Но любая женщина... – Маша осеклась. Она тоже вдруг поняла, что столкнулась с чем-то совершенно необыкновенным, даже сверхъестественным.

– Просто добра?

Он улыбнулся, и невольно, чуть ехидно – засмеялся.

– Нет... Но при этом – очень...

За окном вечерело. Маша вышла из номера, неспешно спустилась на бесшумном лифте в фойе, попросила портье, заказала машину.

В Каире нельзя ходить вечером одной, можно было передвигаться только на такси, или на личном транспорте. Вкусный грейпфрутовый сок обжег горло, а тепло раскаленного асфальта напомнил, что она находится совсем в иной части света.

Она увидела его на следующее утро. Он сидел за компьютером, в фойе, внимательно глядя в гладь простора, открытого поднебесья, которое было, словно во сне, или волшебной сказке, прямо перед ним, скрытое огромным стеклом.

– Я не верю, что мы здесь, – сказала Маша, глядя в даль, садясь с ним рядом, ощущая красоту и необыкновенное настроение, и все то ощущение легкости, которое вдруг появилось во всем теле.

Они долго сидели и разговаривали. А потом вдруг Маша почувствовала у себя за спиной странное тепло. Она медленно обернулась и слегка привстала.

Прямо за ней стояла худенькая, улыбающаяся женщина в шляпе. Помахивая сумочкой, она тоже устремила взгляд в сторону, словно на картине, туда, куда еще несколько минут назад они оба смотрели, и куда, по всей видимости, уже какое-то время смотрела и она.

Маша не нужно было даже поворачивать голову в сторону Джона, чтобы понять, что это была она. Он не дрогнул, даже не шелохнулся, продолжая сосредотачиваться на небольшой шхуне, которая виднелась вдали, как будто бы боялся сделать лишнее движение.

– Как ты нас нашла? – наконец, спросил он. Потом встал, и снова сел, почему-то на корточки, перегородив ей путь.

– Как-то нашла, – ответила она тихо.

Жена посла Аргентины была, действительно, очень красива. Она была спокойной, волевой, дружелюбной. Маша сразу поняла, что с Джоном у нее не было ровно никаких близких отношений, иначе было бы странно, и нелепо. Но ее присутствие, действительно, оказывало на него столь сильное впечатление, что из простого служащего, весьма расслабленного и внимательного одновременно, он вдруг превращался в сгусток энергии, света, и божественный отзвук вселенной. Сейчас, казалось, от радости и счастья, он просто спятил.

5.

В Судан они поехали на следующий день. Все вместе. Посол Аргентины, жена посла Аргентины, Джон, Маша, и ее новая знакомая, с которой они случайно разговорилась накануне вечером. Знакомую звали Луиза. Она каким-то образом тоже знала жену посла, и оказалась

милой собеседницей, да еще и приличной певицей. Луиза была совершенно русской, работала при посольстве, в качестве переводчицы, оценивая любую ситуацию немного со стороны.

Подъем был быстрый, самолет начало качать почти сразу. Предложили сок и вино, которые Маша с радостью выпила залпом. Ей очень нравилась эта странная жизнь, вне времени и пространства, напряженная днями, и легкая, интересная, когда наступали наконец вечер, ночь и утро.

Маша все больше проникалась к Джону, его манере держать себя, его улыбке, и главное – к тому озарению, которое вдруг наступало, когда в его поле зрения оказывалась жена посла Аргентины.

«Она мне тоже очень нравится», – снова говорила про себя Маша, удивляясь, сколько грации исходило от ее облика.

Разговор по пути в Хартум был еще более интересным. Луиза рассказывала, как она выезжала за границу. Как ее тормозили на работе, и как отец лучшей подруги наотрез запретил ее выезд, сославшись на то, что у нее не было детей.

– Как так?

– Представляете? Очень просто. Он просто позвонил и сказал, чтобы меня не пускали.

– Так и сказал?

– Я очень дружила с Таней. Мы были всегда вместе, никогда не расставались. А тут замужество, новая жизнь. Все пошло другим путем, другой дорогой. Я проводила у них дома долгие часы, годы. Мне все там нравилось. Эта семья, их отношения. Но сложные люди, конечно. Интеллигенты. Никакой вам тут спонтанности. Все продуманно. Все рассчитано.

Самолет шел на посадку, и у Маши снова екнуло сердце, как будто бы начинался совершенно новый этап жизни.

«Как бы я хотела, чтобы у Джона все было хорошо», – вновь подумала она.

6.

Самым шикарным и приветливым городом был Хартум. Их встречали два араба, усадили в мерседес и долго возили по местным достопримечательностям, рассказывая об истории страны. Все работали, попеременно отвечая на телефонные звонки и планируя встречи, каждый мечтая о собственных желаниях, их исполнении, и ни на минуту не сомневаясь, что ни одна история не осуществится.

Гостиница была недалеко, и показалась обоим слишком шикарной. Номер был огромный, а в кроватях натянуты специальные сетки против москитов. В воздухе пахло пряностями и солью, как в восточной сказке.

– Как вам? – спросила Маша, спустя день их поисков представительств и попыток на переговоры.

– Очень неплохо, – отвечал Джон, явно сосредоточенный и заметно притихший. Он весь просветлел, улыбался, смеялся, и острил. А потом замолчал, и совсем не разговаривал, углубляясь в свои собственные мысли.

Служащие русского посольства упорно добивались объяснений. Им явно не нравилось, что представители компании предложили Маше и Джону на выбор жить в Красном Ниле, или Белом Ниле, обе фешенебельные пятизвездочные гостиницы.

– Мы за вас платить ничего не будем. Дадим вам один доллар, – уверял представитель, невысокого ранга служащий.

– За нас заплатит компания, – снова объясняла Маша не верующему в человечность, который даже в последний день их роскошной жизни в отеле, при выезде, следил за исходом дела, находясь за мраморной колонной. Удивленный, что дополнительный счет так и не был представлен.

Посол Аргентины с женой остались в Хартуме, а Джон с Машей отправились в Эфиопию, собрались по звонку, в минимально короткий срок.

Их самолет был совершенно невероятным и маленьким. Английским, тархтящим и в прошлом – военным, как будто бы только что с поле брани. Они приземлились в Эфиопии совсем поздно ночью. Гладь отражений была видна сверху, переливаясь черными зеркалами, отсвечивая все вокруг, превращаясь то в изумрудный, то в светло-синий цвета, смешиваясь с окраской серого неба.

Итальянцы долго возили их по городу, а под конец остановили машину около странного вида ангара, заявив, что это американская военная база.

– Давайте срочно отсюда, ладно? – прошептала Маша, перепугав своим напряжением всегда спокойного Джона.

Самолет на обратном пути опоздал, а ближайший на Каир был через неделю. 7.

В Каире Машу снова ждал покой, а вечерами беседы с Луизой. Она еще долго рассказывала Маше о том, как сложна была та профессорская семья. Как у ее подруги был личный водитель, как они дружили в юности, и как сложно ей было потом общаться в более зрелые годы.

Джон вел переговоры, менял пиджаки, и производил впечатление самого счастливого человека. Вечером, в баре, Маша разговорилась с одним англичанином, который долго ей рассказывал, как жизнь в посольствах фрагментарна, как они все оторваны от семей, и как сложно и неоднозначно находится в чужой стране.

– Я так вас понимаю, – добавила Маша, сообразив, что она теперь часть этой компании, что она все время ищет глазами Джона, и больше всего на свете, то есть – всей душой – хочет, чтобы у него все как-то образовалось, закончилось, чтобы он был, наконец, доволен, счастлив, и обрел все то, о чем мечтал столько лет.

«Ну, почему я так о нем беспокоюсь, сама не понимаю», – в который раз думала Маша, пытаясь найти глазами жену посла.

Вечером она снова вышла в ресторан, безупречно одетая, улыбаясь, и источая никому неведомый запал энергии, свойственный только ей, во всей этой огромной дикой Африке.

На следующий день Джон, Маша и Луиза уезжали домой, как уезжали к себе в Аргентину посол и его жена.

– Вы знаете, – вдруг сказал Джон, наклонившись к Маше. – Вы знаете, это все должно быть именно так. Вы видите эту женщину?

– Какую?

– Вон ту! – Джон показывал в сторону Луизы, и Маша вдруг подумала, что одна из возможных жен Джона, на которой он так и не женился, могла быть именно Луиза. А сам Джон мог быть кем-то таким близким по отношению к профессорской семье, которая так страшно и долго обижала Луизу, и о которой Луиза рассказывала Маше всю эту дивную и долгую поездку.

«Все должно быть именно так», – закончила эту мысленную фразу Маша.

«Джон должен ждать и обязательно дождаться эту даму из Аргентины. Он должен ждать ее в том качестве, которое ему предоставит судьба. А Луиза... Луиза тоже должна быть немного несчастна, правда?» – уговаривала себя Маша, чуть улыбаясь, не совсем веря в какой-то правильный исход.

«И я... Я тоже должна, наконец, закончить начатое дело», – Маша как будто встрепенулась, осознавая, что все зависло, и что правды или реальности никакой нет, а есть лишь эти странные проекции вокруг, которые как-то живут, и не могут друг без друга существовать.

А еще Маша поняла, что каждый из этих людей очень сильно рисковал, не говоря об этом напрямую, не сообщая о своей миссии ответственности, сосредоточенно и дотошно выполняя свое дело.

Нил наполнял ее естество надеждой, словно всеял силу, своими тайнами, течениями, разбегами и неведомыми чудовищами на дне. Он парил неведомыми ароматами, разгонял несуществующие облака. Отражался в небе, таил просторы. Солнце, падая в его глубины догорало миллионами потусторонних бликов, а теплый ветер, снова и снова, бил наотмашь в лицо.

Колыбель над пропастью жизни

1.

Самый большой ужас, вернее все же удивление, было в том, что она это очень хорошо знала.

Знала с самого начала.

Знала, что он даже встречается с ней ради Марии. Все делает исключительно ради Марии. Из-за нее.

Для нее.

Назвать это ничтожным не было никакой возможности. На то они и были чувства. Если они были, то претворялись с жизнью любым из возможных способов. Но самое интересное началось в момент, когда Мария вдруг захотела с ней, с Юлей, подружиться. Это было уже выше ее, Юлиных сил.

Интерес Марии диктовался и практическими соображениями, и более эмоциональными. Сложно было до конца понять ее этот интерес. Но, видимо, молодость давала о себе знать с нескрываемой силой требования – себе и только себе. В общем, вышло так, что Мария теперь делала все возможное, чтобы с ней, с Юлей пообщаться. Оставалась подольше на работе, приходила пораньше – на работу. В общем, просто продыху, ей, Юле, она не давала вовсе.

Юля смотрела на эту ситуацию философски. Если Кирилл так решил, для нее это было естественным законом. Интересно ему, чтобы она, Юля, общалась с Марией, пожалуйста.

Вся провинциальность Марии расцветала особо пышным цветом, когда ей хотелось произвести на Марию впечатление. Не на шутку увлекаясь, она часами рассказывала ей о своих заслугах. О полях, лугах, личной жизни. О предстоящих планах на жизнь. Особо ей нравилось рассказывать Юле о Кирилле, да так, что даже забывалось на долгое время, часы, даты, время, как будто все в жизни останавливалось, чтобы только Юля выслушала, какой Кирилл прекрасный, замечательный, любящий, особый.

Юля, надо отдать ей должное, совершенно не сердилась на Кирилла. Она понимала, что ему может быть скучно, неинтересно, странно в ее обществе. В конце концов, она не представляла собой образец красоты и женственности, в отличие от молодости и яркости Марии. Поэтому, положив руку на сердце, она даже и не могла обвинить Кирилла ни в чем неправильном, или даже жестоком.

Самое сложное началось тогда, когда Мария по-настоящему прониклась к Юле. Всем, что называется, своим существом. Стала уточнять подробности про ее детство, юность, личную жизнь. Стала звонить-названивать, интересоваться.

Юля сносила все с достаточной долей мужества, иронии и стойкости.

– А Кирилл сегодня придет? – уточняла Мария, многозначительно глядя на Юлю.

– Я не знаю, – опустив глаза отвечала Юля.

– А мне кажется, что нам будет как-то веселее, – добавляла Мария, весело вглядываясь в телефон, шевеля и передвигая там что-то со скоростью света.

2.

Кирилл пришел как всегда позже обычного. Юля сидела в своей комнате, терпеливо вглядываясь вдаль, делая вид, что она сосредоточилась на своих делах и проблемах.

«Сейчас мне что-то скажет», – думала она с ужасом, в которой раз перебирая в сознании их общую жизнь.

Но Кирилл ничего не сказал, а только улыбнулся в ответ на ее внутренние вопросы.

– Мне очень нравится наша идея, – вдруг неожиданно для самой себя сказала Юля.

– Какая идея?

– Идея поехать вместе в Хельсинки.

– Почему тебе так нравится эта идея?

– Я очень люблю паром. Море. Мне нравится оказываться в этой особой реальности корабля.

Сказано, сделано. И уже через несколько дней, они, мирно покачиваясь на трапе, взбиравшись на огромный лайнер, придерживая чемоданы, чтобы, раскачиваясь на ветру, железный трап, не совершил свой блистательный путь – резко вбок и вниз, увлекая за собой пассажиров.

Она сидела в каюте, удивляясь, как быстро этот мир корабля успокоил ее, привел в нормальное состояние.

– Кирилл!

– Что?

– Кирилл...

Она очень хотела сказать ему, что ей нравился всегда покой и успокоение. Во всех замечательных смыслах. Когда душа внутри пела и баюкалась, как колыбель над этой пропастью жизни. Что ей никогда не нравились сложности, заплетающиеся начала и концы, глупость противостояния. Знал ли он об этом?

– Говорила тут с Марией. Она сказала, что приедет к нам на следующие выходные.

– Как здорово, – Кирилл оживился. – Замечательная идея, что ты поддерживаешь такие интересные знакомства!

«Знакомства дальше хуже», – думала про себя Юля, вспоминая самодовольное лицо Марии, ее длительные беседы, и нравоучительный тон. «Полюби ее немедленно», – снова уговаривала она себя, – «ты просто ревнуешь». Вновь и вновь она пыталась справиться с чувством пустоты, бабской сплетни и тоски, которые как будто бы врываются в жизнь с обликом Марии, но совершенно безуспешно.

«Если ты так любишь его, должна справиться и с этим», – снова уговаривала себя Юля, делая над собой усилия, чтобы распаковать вещи.

3.

Они шли по палубе, глядя в огонь пристани, ощущая морской воздух и ветер в лицо. Юля пыталась сосредоточить свои мысли, но они вновь и вновь возвращались к Марии, ее искреннему вниманию к ней, а потом вновь и вновь к Кириллу, и тому, что он значил в ее жизни.

– Кирюша! – сказала она вдруг очень громко, чтобы перекрыть монотонный разбег турбин. – Кирюша!

Он даже не повернул голову, но вдруг как-то качнулся, как будто почувствовал ее внутренне состояние.

– Что, – он смотрел на нее как-то совсем по-другому. Не многозначительно, как обычно, а как-то нежно и заботливо, словно хотел что-то заново почувствовать.

– Тебе когда-нибудь кто-то говорил, что ты похож на птицу Феникс? – спросила неожиданно для себя Юля.

– Феникс? Почему Феникс, – Кирилл, казалось, и вправду удивился.

– Феникс такая птица возрождающаяся, – почему-то долго стала объяснять Юля.

– Какая?

– Из пепла она всегда возрождается, – проговорила разборчиво и громко Юля, удивившись с какой горечью эта фраза прозвучала.

Кирилл казался очень удивленным. Похоже, что на птицу Феникс он не был похож. По крайней мере так он о себе думал. Более того, он даже не особо и хотел быть на нее похожим.

– Юлечка! Ну что ты право! – он казался был дружелюбнее обычного.

– Ты – сильный, смелый. Ты Феникс! – засмеялась Юля, и поцеловала его в щеку.

– Пусть будет – по-твоему, прибавил он, и снова устремил глаза куда-то вдаль, как будто бы присутствуя и отсутствуя на палубе одновременно.

Она гуляла вдоль спасательных шлюпок, ощущая, как ей было легче, лучше в море. Как манил ее простор, как хотелось покоя, или шторма. Ощущение радости от близости моря, чаяк, свежего соленого ветра как будто бы ее перерождал, делал сильнее, свободнее, а главное – нормальнее.

Но может быть, это потому, что здесь совсем нет других людей? – с опаской подумала она, как будто бы вновь теряя надежду.

Как все-таки я плохо с этими людьми обхожусь, вновь и вновь говорила она себе.

Ветер становился все сильнее, а брызги от морской воды уже обжигали лицо.

«Нужно идти в каюту», – вновь говорила она себе, и все стояла-стояла, вглядываясь в море, пытаясь там что-то различить.

4.

Ночью она проснулась от того, что лед бился о корпус парома с невероятной силой.

«Только бы не утонуть!» – подумала она, как испугалась.

Кирилл свесил руку со второй полки, и немного похрапывал. Она привсталала, погладила его по голове, поцеловала.

«Кирюша!» – тихо-тихо сказала она, и почему-то заплакала.

Вспомнила, что недавно кто-то рассказывал ей о не взаимной любви. Кто-то из знакомых. Она так удивилась, даже не поверила. Неужели взрослые люди могут об этом говорить всерьез. Взаимная-не взаимная. Странно.

Кирилл как будто бы почувствовал ее мысли, увидел их во сне. Открыл глаза, а потом их снова закрыл, как будто бы видел ее, Юлю, в другом измерении.

«Кирюша!» – снова прошептала она, и обняла за плечи. Он чуть подернулся своим загорелым торсом, и снова заснул, откинув голову немного назад.

Его волосы были темные и кудрявые, немного с проседью. Она гладила их, в который раз удивляясь, что там, ближе к корням, они были немного с рыжиной, немного даже мягче, чем казалось внешне.

«Могу вот так сидеть часами и смотреть на него», – со смехом подумала она, слегка отряхнулась от мыслей, и снова легла на белоснежные простыни, откинув голову резко назад. Удар льда как будто бы входил в мир каюты, как будто бы пытался прорваться на их территорию, пугая и обжигая своим неожиданным присутствием и ужасом возможной потери.

5.

Стокгольм был столь красивым и домашним, что она в который раз удивилась. Кирилл постоянно фотографировал, удивляясь зданиям, набережным, булочками, и магазинам. Как будто бы немного воспрял, отряхнулся. Странно Юле было и то, что он как будто бы совершенно успокоился, стал разговорчивее, и домашнее.

– Тебе здесь нравится?

– Нет. Не особенно. Просто хорошо гулять. Иметь, наконец, свободное время.

– Правда? – Юля всматривалась в его реакцию, как будто бы ловила мельчайшие детали его поведения.

«Вот, наверное, Мария так умеет увлечь» – с новой волной неприязни подумала она. – «Что она ему там рассказывает?»

Юля хотела даже поговорить о Марии, но вдруг поняла, что так превозмочь себя уже не может, и лучше прибережет обсуждения их новой встречи до момента этой счастливой встречи.

Они гуляли, обнявшись, как не гуляли никогда, радовались красоте королевского дворца, цветам, шхунам и кораблям.

– Ты знаешь... Я когда-то слышала, что Астрид Линдгрэн очень любила своего мужа.

– Да? – он посмотрел на нее чуть равнодушнее, чем несколько минут назад.

– Да, – бойко ответила она.

Она шла с ним рядом, вспоминая, как они познакомились, как гуляли вместе. Как она ждала их встречу каждый день, как не могла заснуть ночью. Она вспоминала, как вся дрожала от его присутствия, не могла успокоиться, когда он впервые приехал к ней, и позвонил во входную дверь. Вспоминала она и как вся парила над землей, радовалась каждой встрече, как жила им каждую минуту, не на секунду, не думаю ни о ком другом.

Потом она как-то вдруг успокоилась, и просто решила идти спокойно, вдыхая аромат улиц, глядя на близлежащие кафе, ни о чем не сокрушаясь и ничего не опасаясь.

«В конце концов, можно завтра умереть, и все будет безразлично», – подумала она, с надеждой осознавая, что корабль близок и через несколько минут можно будет растянуться в каюте и уснуть.

6.

По приезде домой, когда Кирилл ушел на работу, она привела в порядок квартиру, и села на самое красивое место в столовой. Прямо на диван, под самой лампой. Взяла телефон. Набрала номер.

Мария подошла не сразу, но обрадовалась звонку на удивление самым ярким проявлением индивидуальности.

– Как я рада тебя слышать! – сказали она Юле на том конце провода.

– Мы только что приехали, – ответила Юля, несколько опечаленная тем, как грустно ей стало от голоса новоявленной знакомой, и как вся та надежда на радостное возрождение вдруг куда-то улетучилась.

«Ужасная ты», – сказала Юля себе, сделав над собой усилие, понимая, что фраза была обращена к себе самой, но по факту адресовалась именно несчастной Марии.

«Пригласи в гости!» – приказала себе Юля, понимая, что сейчас просто повесит трубку.

– Как я тебе рада! Как дела? Как съездили? – с искренним интересом спрашивала Мария. – Как Стокгольм?!

– Прекрасно Стокгольм, – ответила Юля, понимая, что сделала что-то страшное, что стыдно ей за себя безумно, и что лучше умереть, чем понимать, на что она, Юля, сама способна.

– Ты придешь к нам в гости? – уже совсем искренно прокричала она по телефону, почти не делая над собой усилия.

– Конечно! – также искренно и радужно, – прокричала Мария, договариваясь о времени.

«Слава Богу», – успокаивала себя Юля, пытаясь представить себе, как чудесно будет выглядеть мир, если они снова сядут с Кириллом на паром и куда-нибудь уедут.

7.

Когда Мария позвонила через неделю в квартиру, Юля уже почти что не дергалась, не расстраивалась. Она даже была рада, что новая знакомая придет, что будет с кем пообщаться. Кирилл казался чуть веселее обычного, но с него тоже как будто бы спало напряжение. Он был домашний, неспешный, и совершенно бесстрастный.

Они разговаривали весь вечер, пили вино, ели торт, и мерно баюкали другу друга в том пространстве, которое сами организовали.

Под конец вечера, Юля вдруг поняла, что Кирилл уходит от нее, уходит насовсем и больше никогда не вернется. Она ждала каждую минуту, что он ей об этом скажет, пыталась понять, как нужно правильно реагировать, но так и не понимала, что именно нужно делать.

Потом она поняла, что потерять она его не может ни за что, что потеря будет совершенно непостижимой и невозполнимой, и что делать нужно что-то срочно, и однозначно.

– Маша! – вдруг резко сказала она.

– Что? – Мария смотрела на Юлю своими чистыми зелеными глазами, немножко по-кошачьи, и даже как-то по-собачьи, всем своим видом показывая, как ей хорошо.

– Маша, – снова сказала Юля, но осеклась, вдруг поняв, что Мария была искренне ею, Юлией теперь заинтересована, в сторону Кирилла вообще не смотрела, и уходит тоже не собиралась.

– Ой, Маша, – только и успела добавить Юля, слегка поддегивая плечом, и наливая кофе на всю компанию.

«Какая же это компания», – самокритично подумала она, плюхнув Марии как можно больше сахара.

8.

«Я уезжаю в командировку», – вечером сказал Кирилл. Обнял ее и улыбнулся.

Юля вся задрожала, села на пол, встала, как будто бы все то страшное, о чем она всегда думала, неожиданно воплотилось, выросло в монстра, страшного вида, проступило сквозь пергамент памяти.

– Куда? – спросила она.

– В Москву, – ответил Кирилл, и засмеялся.

– Почему ты смеешься? – спросила Юля.

– Потому что у тебя все мысли на лице написаны, – ответил он. – И потому, что... Потому что...

– А когда приедешь? – недоверчиво спросила Юля.

– Через два дня, – ответил Кирилл и снова улыбнулся.

Он не договорил, а только сел в кресло, и уставился куда-то вдаль, в окно, немного насупившись, и не давая ей возможности опомниться.

– Кирилл! Какое сегодня число? – спросила вдруг Юля.

– Тринадцатое, а что? – ответил Кирилл.

«Тринадцатое», – повторила про себя она.

Это было число, когда она с ним впервые познакомилась. Он был веселым, радостным, энергичным. И первый раз приехал к ней в гости, так неожиданно. И так надолго.

«Два дня, впрочем, я еще могу пережить», – подумала Юля.

Желтые фонари

1.

Говорят, что мы не знаем своего будущего. Неправда. Когда Олеся с ним познакомилась, она точно знала, что эта встреча уникальная. Так ей казалось целый день, пока она собиралась на новую работу.

Сказали, что ее встретит молодой человек. Описали его наружность. Сообщили фамилию.

Она так и находилась в приподнятом настроении целый день. Как будто бы что-то особенное ожидала. Как будто бы предвидела. Вернее, предчувствовала.

Правда, он ей виделся немного не таким, как его описали изначально. Высоким, мускулистым, в красном свитере и джинсовой куртке.

Он, действительно, оказался совершенно особенным. Светлые волосы на прямой пробор. Темные лучистые глаза. Все время улыбался и шутил. Одет он был не спортивно, а элегантно и просто. Свитер на нем действительно хорошо сидел. Но был он не красный, а белый, совершенно белоснежный. Сложно было описать его магию, или особую внутреннюю силу. Он был одновременно очень хорош, и очень, как ей показалось, в самых глубинах сознания, родной. Близкий, понятный, легкий в обращении.

Сложно с достоверностью говорить о том, что ее ударило током. Так она сама объясняла себе свое состояние, повторяя в который раз про себя его имя. В таких ощущениях было сложно признаться даже самой себе. Но состояние небывалого счастья не покидало ее весь день, пока она разговаривала с ним. Пока ехала домой, уткнувшись лбом в стекло маршрутки.

У него была особенная манера говорить. Чуть медленнее и спокойнее обычного. От него пахло терпким запахом одеколона. Был какой-то совершенно волшебный, немного восточный запах. С примесью, и особыми маслами. Первый раз она даже злилась немного на этот одеколон, так сильно он засел в ее памяти, распространившись по всей одежде.

После первой встречи она не видела его, наверное, месяца два. А потом он встретил ее как будто бы случайно у входа в трехэтажное желтоватое кирпичное здание, покрытое старинными скульптурами, где они оба работали. Он был такой же энергичный, полный сил и надежд. При встрече он протянул ей руку, приветствуя. Ладонь была мягкая, с едва заметными мозолями.

Сначала ей было немного страшно от мыслей, которые ее посещали. Ей казалось, что, если он позовет ее сейчас сесть в самолет и улететь в любой другой город, она сделает это без колебаний. Было странно предположить, что ему можно в чем-то отказать. Андрей, впрочем, казалось, вовсе и не собирался пользоваться благосклонностью к нему людей. Так явно они радовались его присутствию. Так рьяно искали с ним встречи.

Женщины в обществе Андрея моментально менялись. Они становились женственными, говорили приглушенными голосами, изрекали мудрые мысли. Как будто бы хотели ему понравиться. Он принимал это отношение легко и естественно, хотя совершенно не был Казановой, а внимание женщин его не тешило, а просто искренне радовало.

Олеся пыталась представить себе, как окажется когда-нибудь с ним наедине. Эта мысль, такая глупая и беспомощная на тот момент, только смущала ее еще больше. Даже не волновала, а пугала как в далеком детстве пугает ощущение того, что можно оказаться одной в темном лесу, где воют невидимые волки и прячутся медведи.

Однажды он невзначай поцеловал ее при встрече, и ей показалось, что мир словно рухнул. Словно она изменила кому-то или отреклась от всего на свете. Его внимание могло настолько парализовать ее волю, что после одной из подобных встреч, она приходила домой, ложилась на кровать или лежала так, почти без дыхания, в течение трех часов, бессмысленно глядя в потолок.

Признаться себе, что она втрескалась в него, как говорится, по уши, она не могла даже себе. Было стыдно. Не очень успешная, но все равно, вполне нормальная девушка, она даже представить себе не могла полгода назад, как жизнь изменится. Что придет время, когда она будет часами думать о нем, не находя себе места.

«Это так просто решается», – сообщила ей одна подруга. – «Ты просто должна остаться с ним наедине».

Совет был неверный. Это Олеся знала точно. Присутствие Андрея или даже любая близость не могли облегчить ее ощущений. Ей было стыдно хотеть от него чего-либо. Лирических отношений, внимания, действий, разговоров.

Пребывая в состоянии приятия своих ощущений, она думала о том, что сделать для него. Что сделать для него, и можно ли вообще делать что-то в такой ситуации? Мудрая и радужная мысль согревала совсем ненадолго, ибо все хорошее в ее сознании заключалось теперь в желании не действий, окрашенных хоть как-то долей человеколюбия, а намерения встретиться с ним и провести часов двадцать вместе.

2.

Он ожидал ее в машине, как встречал, видимо, очень многих. Но в его сияющем лице было столько детской трепетности и заботы, что она даже не успела о чем-то подумать, осознать, что с ней происходило.

Он вез ее по городу. Сначала до центра, потом по набережной. Монолит серого камня. Чугунные маски на мостах. Строгие парапеты. Пахнущие илом и морем разливы Невы. Высокие деревья и их тени. Город оживал в каких-то потусторонних бликах счастья, как оживали его рассказ о прошлом лете, и планах на будущее.

Дымка первой встречи наедине была столь явной, нереальной, что потом, по прошествию времени, было никак невозможно повторить это ощущение, или его разрушить. Словно Олеся все скользила по облаку в далеком сне, пытаясь выбраться из собственных оков сознания.

Когда она потом неожиданно узнала, что он был героем войны, она даже не удивилась.

В какой-то момент, и это ей даже снилось во время той поездки по городу, она снова оказалась с Андреем наедине, где-то на южном взморье. Погода была столь удушающая, а скользящее тело напряжение столь сильно, что ей хотелось скорее умереть, чем дотронуться до него. Было невыносимо дышать. Она чувствовала внутренний озноб, задышалась. Ему пришлось тогда крепко обнять ее, завернуть в простыню, пока она, наконец, не уснула, обещая себе сделать вид, что она все забыла.

Утром он поил ее апельсиновым соком и кофе. В его глазах стояли слезы, и он все рассказывал-рассказывал о своей жизни, изредка поправляя ее белую рубашку, как будто она за эту ночь превратилась из взрослой женщины в счастливого ангела.

Но это было много позже. А пока что он просто возил ее по городу, рассказывая что-то очень долго о местных достопримечательностях. Он изредка улыбался какой-то внутренней, даже потусторонней улыбкой. Угощал ее конфетами, продолжая свой рассказ, как будто намеревался рассказать ей что-то важное. Иногда он чуть поддразнивал ее. А иногда вдумчиво и спокойно слушал, внимательно и пытливо глядя прямо перед собой на зеркальное шоссе трассы.

3.

Она долго его не видела, после этой автомобильной поездки. Неделю, месяц. Ей казалось, прошло очень много времени. В какой-то момент ей вдруг пришла в голову мысль, что он пропал из ее жизни навсегда. Что больше он никогда не вернется. Мысль, которая совсем не приходила ей в голову в начале их встречи, оказалась теперь столь устрашающей, что невозможно было ее вынести, привыкнуть к ней.

«Не появится?»

Она снова вспоминала его дружелюбие, понимание, необыкновенное внимание к ней, вопросы. Ощущая тени собственного эгоизма в который раз, она пыталась отделаться от мысли, что жить без него уже совсем не может. Когда спустя год он позвонил ей по телефону, она метнулась во внутренний дворик за детской площадкой, упала на колени и зарыдала. Так остро ощутила так неожиданно подаренное счастье.

4.

«С этим нужно что-то делать», – повторяла про себя Олеся, когда просыпалась рано утром, осознавая его присутствие. «С этим нужно что-то делать!» – беспомощно повторяла она вновь, уговаривая себя не думать о будущем.

«Почему я не могу ничего для него сделать», – искренне сердилась на себя Олеся. – «Другие женщины столько всего могут. Могут создать для мужчины – все. А я...»

Она беспомощно вспоминала его руки, плечи, понимая, что вместо того, чтобы создать для Андрея целый мир, окружить его вниманием и заботой, она теперь сутки напролет думала о его улыбке, глазах, ресницах.

А потом случилось самое непредвиденное, как обычно бывает в жизни. Олеся вышла замуж. Начались ни от кого независимые внешние катаклизмы. Свадьба, рождение ребенка. Взросление по полной программе и в скоротечном режиме.

По прошествии короткого времени, стало очевидно, что речи даже не могло идти о том, чтобы жизнь могла вернуться на круги своя. И все же то изначальное ощущение судьбы, которое присутствовало при встрече с Андреем не оставляло ее ни на минуту. Оно сосуществовало с обыденной жизнью наперекор рассудку. Она как будто бы ждала теперь только внешних изменений, чтобы еще раз подтвердилось то первое, верное ощущение.

Олеся похорошела. Все приобретало новый смысл. Однако, что-то важное сохранялось внутри, как напоминание о том, о чем она одна знает.

Она находила способы общаться с ним. Случайно встречала на улице. Жила рядом на даче.

А потом наступил еще один перелом. Олеся как будто бы заново, с новой болью поняла, что совершенно ничего не уходит в прошлое, только заново расцветает пышным цветом в ее сознании. Вдруг отчетливо как увидела этот приговор, как и пришло вдруг правильное ощущение того, что видеть его так часто, как хотелось раньше, совершенно необязательно.

Когда Андрей заболел, она только начинала свою взрослую жизнь. Он оказался через какое-то время, уже совсем поправившемся, один на даче. И, судя по всему, нуждался хотя бы в месяце реабилитации, то есть спокойной жизни вдали от всех. Олеся сразу приехала. Дома пришлось рассказать про очередную командировку, про срочную службу. Зачем ей понадобилось что-то придумывать, ей было самой не очень понятно. Все бы поняли ее внутренние намерения. Но какая-то очередная сказка из мира фантастики создавала свои собственные облики, никого не слушая, никому не отдавая отчета. Этому она не могла противостоять.

Вставала рано. Затапливала печь, еле дотаскивая воду в канистрах из колонки. Приносила ему чай и завтрак в постель. С удовольствием готовила обед, чего никогда не делала дома. Водоснабжения в тех краях не было. Утренний выход по мощеной асфальтом дороге, поющие птицы и свежий воздух только добавляли нужные ноты к внутреннему восторгу, которым наполнялось теперь все ее существо.

Он смотрел на нее благодарно. А ее переполненное сердце, казалось, снова молило о пощаде, которую, впрочем, он, на протяжении такого долгого знакомства, ей всегда предоставлял. Он никогда ничего не хотел, не просил. Тем более не требовал. Он молча и спокойно принимал обрушившиеся даже не на него, а на нее чувства, с удивлением и нежностью наблюдая, как они закончатся. Но они не заканчивались, и ей все время казалось, что она сама виновата во всем, словно в этой жизни она не встретила настоящую радость, а подцепила африканскую проказу.

– Тебе лучше? – спрашивала она.

– Значительно, – улыбался он, и ей снова чудилось, что он озвучивает скорее ее слова, а не свои собственные.

После дачной идиллии возвращаться домой каждый вечер стало сложнее. Андрей был настолько понимающе участлив, так хорошо знал ее, что признать факт близости якобы родных людей становилось все сложнее.

Потом она снова уговаривала себя, что не может стать для Андрея обузой. Она который раз повторяла себе, что все, что есть у нее реального, не должно исчезнуть, а должно быть. Еще через полгода она дала себе слово, что менять в своей жизни уже ничего и никогда не будет.

5.

Кирилл был вполне, что называется, положительным человеком. Она даже не могла себе представить, за какие заслуги ей так повезло, при ее характере и метаниях. Познакомились они случайно, и нашли общий язык почти что сразу. Было в этом знакомстве что-то на редкость скороспешное.

Непроходящее ощущение неприкаянности было до такой степени сильным, что решение она приняла быстро, чего ранее никогда не делала. Будучи уверена, что выбирает всегда женщина, она и выбрала его. Молодого, сильного, любящего и свободного.

Потом были годы совместной жизни, которая, на удивление, согревалась даже не изнутри, а снаружи, так много было вокруг событий, и так много образовывалось каждодневных новых и неожиданных дел, в море которых Олеся радостно тонула. Как будто все и встало на свои места, кроме постоянной дыры внутреннего разрыва и ощущения того, что, вот, Андрей где-то там есть, где ее нет, и никогда не будет.

К Кириллу Олеся привязалась. И Кирилла же Олеся полюбила, как любит, наконец, почти каждая нормальная женщина, если проводит с близким человеком долгое время и уделяет ему хотя бы немного свободного времени.

Однажды они вместе отправились на празднование юбилея известного журнала, в котором Кирилл работал. Его все поздравляли, а после чествований пригласили на банкет. Олеся сопровождала Кирилла, ощущая и легкую грусть, и странную пустоту, которая наращивалась как ком внутри, чем дольше празднование продолжалось. В какой-то момент за стол с угощениями встал и известный режиссер, чья жена только три месяца назад шагнула в окно, не выдержав увлечений мужа. Его тоже все чествовали, а Олеся не могла отделаться от мысли, что Андрей не задержался бы в этой компании ни на минуту. И вдруг она его увидела. Не поверила, даже села на подоконник, ноги не держали. Он немного похудел. Но был также легок, приятен, обворожителен. Спокойно прошел мимо стола с угощениями, не притронувшись ни к чему.

Она медленно пошла за ним, как будто бы сквозь завесу серого дыма могла скрыться от чужих глаз. Ей показалось, что через минуту она коснется его плеча, обнимет, что-то скажет. Но когда она уже была готова обратиться к нему со спины, дотронуться до его пиджака, он вдруг резко пошел вон из красного дерева залы, навстречу новому гостю.

Олеся поняла, что опоздала на какую-то долю секунды. Что теперь он будет совершенно в другом измерении, будет занят, и даже поговорить, хоть секунду, не будет никакой возможности.

Она смотрела в окно, удивляясь как петербургские желтые фонари освещали белоснежные сугробы снега. Как будто бы перед ней был не ночной пейзаж, а город-призрак давнего времени. С говорящими чугунными решетками. Кабриолетами, несущимися вдаль. Томной луной, еле освещающей путь странникам. Черными воронами, которые кружились над соседней усадьбой неровной архитектуры.

* * *

«Андрюша! Давай я...», – часто говорила про себя Олеся, но быстро умолкала, так и не закончив начатую фразу.

Хотелось сказать, «буду жить у тебя в подвале», или «на чердаке» иногда, но слова снова не давали ей возможность дышать, только застревая в горле.

В какой-то момент Олеся с облегчением смирилась с тем, что ей все время почудилось.

И Андрей.

И мифический, неожиданный исход событий.

И спокойная жизнь.

Перевела дух.

Вздохнула.

б.

Самым странным в этой истории было то, что неожиданное, так часто представляемое Олесей, все-таки осуществилось. При самых неприметных, но ярких обстоятельствах.

Андрей буквально в одночасье попросил ее собрать вещи и переехать к себе домой, вместе с сыном и чемоданами. Ехать Олеся наотрез отказалась, но мысль присутствия в ее жизни Андрея теперь согревало ее каким-то странным светом, как будто бы то, о чем она всегда мечтала, вдруг неожиданно осуществилось, реализовалось наяву.

Андрей настаивал. После долгих уговоров, слез, скандалов дома, и возвращения туда, она все-таки собрала вещи и уехала.

Андрей поселил ее в специально обставленной отдельной комнате, маленькой и уютной. На протяжении последующих трех месяцев он относился к действиям Олеси как относятся к атаке и отступлению самонадеянного маленького ребенка. Смеялся над каждой ее странностью, успокаивал, когда она уходила и вновь приходила, почти что качал на руках вечерами, пока быстро взрослеющий сын делал уроки. И никогда не сердился. Она теперь долго и пылливо представляла себе, как будет снова и снова всматриваться в его лицо, пытаясь угадать, как же ей жить дальше, и что делать. Но ничего логичного или тем более правильного из этих мыслей не получалось.

Когда она перебралась к нему окончательно, то привыкала к этой своей странной новой жизни совсем недолго.

В общем-то, такой она всегда эту жизнь и представляла.

Снег на Гавайях

1.

Шел белый снег, чистый, молочный. Падал распростертыми хлопьями на асфальт и парковые дорожки. Падал, кружился, впиваясь в шапку, где оседал, желая поселиться, но пробирался до самой шеи, оставляя там свой леденящий след.

Она шла и шла, вперед. Изредка запахивая огромным шарфом непослушный воротник. Осознавая, как замечательно было хоть на одно мгновение остаться наедине со своими мыслями. Когда в очередной раз выдавалась такая возможность, все было привычно хорошо. Но когда реальность вторгалась в пределы снежного мира, приходилось делать над собой усилие.

2.

Андрей появился тогда так неожиданно, просто как молния. Ей сразу стало казаться, что жизнь кардинальным образом изменилась. Так Надежде всегда и казалось раньше, но на этот раз в этом просто не могло быть никаких сомнений. Как рухнувший перед самым домом столб, его невозможно не заметить.

Она сердилась за него за все. Даже за ощущения новизны. Тут же радовалась, и тут же снова – расстраивалась. Он был совершенно иной, как будто бы из другого мира. Как будто бы даже сделан он был из иного, не телесного материала, чего-то более стойкого, добротного, нечеловеческого.

Андрей говорил мало, не выяснял отношения. Она даже не знала толком, кем он работает. Потом узнала, конечно. Его профессия была связана с искусством. Он был художником и одновременно реставратором. Уж больно тонко он воспринимал действительность. Долго не показывал свою эту способность, но она это сразу и отчетливо увидела. Ей ничего не нужно было говорить.

Он никогда не давал ей понять, что она ему хотя бы немного нравится, но появление его в жизни стало важным поворотным камнем. Сначала – преткновения, а потом кого-то непродоходящего восторга. И ошибиться здесь было решительно невозможно.

Мужчины часто приписывают себе несуществующие качества, видят себя через розовые очки. Ситуация была совершенно обратное. Надежде было смешно потом, когда кто-то посягал на схожесть с Андреем, считал, что он тоже умелый и уверенный, любящий и умный.

Впрочем, какое ей теперь было до всего этого дело.

«Люди не обязательно много и часто общаются, чтобы дать друг другу что-нибудь», – повторяла она про себя, каждый раз, когда на выходные, иногда в дивном настроении, а иногда в подавленном, в очередной раз шла в бассейн. Бассейн был огромный, светлый, синий. Обыкновенный петербургский бассейн. Народу там было мало. Она вставала под душ, и долго-долго так стояла, радовалась, смеялась обжигающим каплям, которые впивались в кожу, вынося на поверхность пор все то, что напряженно вращалось внутри.

3.

Общались она с ним лет двадцать. Еще со школы. Сначала он приходил к ним на уроки, рассказывал что-то об искусстве, о жизни, о дальних странах. Говорил он хорошо. Умел гово-

рять. Ходил по классу, и долго что-то рассказывал. Она не могла понять почему, но впечатление, которое он произвел на нее тогда, в школе, было действительно ошеломляющим.

Видимо, объяснялось это просто. Не было вокруг людей хоть сколько-нибудь ярких. Андрей был ярким.

Потом она узнала, где он работает. Небольшая студия, офис на Петроградской. Там было очень богемно, спокойно. Мольберты вокруг, картины. Творческого беспорядка у него не было. Он все клал на свои места. Приходила к нему вечерами, ждала, садилась на стул, и что-то пылливо расспрашивала. Он никогда не давал ей понять, что ему скучно, или что он торопится. Закуривал сигарету и долго подробно объяснял, отвечал на вопросы. Как будто он был профессор.

Потом она поступила в Университет. Новые лица, новые люди. Жизнь, казалось бы, должна была закрутиться. Но она медленно шла, соблюдая свою собственную скорость. Он снова возникал в ее жизни, как будто бы фоном или фантомом, оставляя ощущение чего-то настолько важного, что не было возможности сравнить его с кем-либо. Вновь и вновь.

Надеждина подруга Алина как-то обмолвилась, что в далекой юности в один прекрасный день вдруг увидела парня, который был очень похож на героя сентиментального фильма «Путешествие на картошку». Она как увидела его, поняла, что это единственный человек в ее жизни. Потом он единственный человек, правда, стал похож на солиста одной рок-группы. Высокий юноша, с большими глазами и толстыми губами. Подруга Надежды, кстати, так никогда с ним и не заговорила. Думая о своей подружке, Надежда иногда даже содрогалась от сравнения. Неужели и у нее все столь нереально?

4.

Андрей снова появился в ее жизни как бывало ранее, поздней осенью. Когда было промозгло, шел дождь со снегом, было зябко и грустно. Она встретила его случайно около метро. Или, может быть, он сам ей позвонил.

Сообщил бодрым голосом о своих планах. Быстро и доходчиво. Он собирался поехать в Америку. Приглашал Надежду с собой, как он сказал, «немного поработать, если она не против, конечно. Переводить, а делает она это так хорошо».

Группа составляла десять человек. Надежде было дано задание переводить с английского языка для всей группы, налаживать межкультурное общение.

От радости Надежда не спала всю ночь. Думала, вспоминала. Хорошо понимая, что теперь, вот, ничего вспоминать было ненужно. Все снова было реально. После длительного перерыва оказалось, что жизнь вернулась на круги своя. Полностью восстановилась.

Итак, Америка зажигала фонари сознания, возбуждая его до какой-то запредельной степени. То ли дальностью своего местонахождения, то ли стереотипом запретности, Америка была замечательной и совершенно новой. Они летели через Финляндию. Сели, пошли, без промедления нашли нужный рейс в Хельсинки. На маленьком канадском самолете – прямым в Нью-Йорк, покачиваясь, как будто бы летели в Москву, а не в столь дальние страны.

Приземлялись ночью. Гудзон отражал странным зеркалом своей голубой поверхности здания и небоскребы. Огни огромного города светили дружелюбно. Машины здесь были огромные, какого-то странного киношного свойства. Длинные. Даже говорили, что в центр такой машины вкладывали для статуса килограммы железа, чтобы машина казалась еще больше. Вот такие огромные драндулеты и шныряли по шоссе, на правильной, но все равно дикой скорости.

Вокруг было много темнокожих, а аппарат просвета на таможне заставил пропустить, наполняя рентгеновскими лучами, все содержимое их хорошо запакованных кожаных чемоданов.

В эту поездку все было странно. Странно даже то, что однокурсница Надежды, которая тоже здесь оказалась, казалось, резко забыла о реальности. Смешная великовозрастная девушка со звонкой фамилией Бонч, и с целой группой известных родственников-писателей, вдруг отчаянно привязалась к черноглазому красавцу-испанцу, который работал официантом и приносил на подносе дивные заморские приготовления каждое утро. Она все время рассказывала о нем до и во время работы, забывая странное впечатление, которое производила на окружающих. Рассказывала даже о том, что разговаривает с ним по телефону ночами, по системе коллект, то есть за его счет. Это странная история отпрыска известных писателей и местного официанта не развеселила, а чем-то даже напугала Надежду. Даже до степени какого-то безумия. Ненужное зеркало собственного отношения к жизни. Может быть, так? Она не могла предполагать, что представители филологического факультета были столь откровенны и неразборчивы в общении.

Нью-Йорк был красивым. Гуляла Надежда ночью, сбивая ногами скомканные газеты, которых на дальних авеню накопилось настоящее море. Таймс Сквер горел и переливался новыми постановками. Было от этого хорошо, но и как-то нереально.

Питались они в местной столовой, при гостинице. При входе от пахло вовсе не так роскошно. Свежеприготовленными бургерами, мясом и горчицей. Но день начинался бодро, и работы было много.

Утром Надежда вся загоралась. Видела, что он, чисто выбритый, подтянутый, уже сидел, шикарно одетый, розовощекий, за столиком, приветливо улыбаясь.

– Вы много работаете? – он пытливо посмотрел на нее.

– Да, – соврала она в который раз, вспоминая рассказы Бонч. – Много.

Он улыбался, как будто даже хорошо понимал ее. Смеялся, протягивая, удивительно бодро и ловко целый поднос удивительных кушаний. И откуда он их брал? И снова бургеры казались чем-то особым, как будто бы мифическая группа находилась вовсе не в Америке, а где-то далеко, на островах Тихого океана.

Масштабы его личности было сложно передать или даже осознать, да и не нужно было. От него шла такая энергия, и такая тайна, что дух захватывало. Эта энергия и была движущей силой любого дальнейшего события.

Они приехали в небольшую деревеньку, которых так много в Америке. Загородная вилла, вокруг небольшой бухты Бэй. Вечерами они мирно гуляли вдоль освещенных шоссе, шли вперед, вдыхая незнакомые хвойные запахи, как будто примериваясь, где в этом огромном пансионе, были входы и выходы.

Как-то вечером, уже после переговоров, Андрей вдруг сказал, что хочет пригласить ее за званый ужин. Ужин был под открытым небом, вокруг стояли дивные дамы в платьях и приветливые, вечно улыбающиеся джентльмены во фраках.

Еда была несказанная. Как будто бы из волшебной восточной сказки. Жарилось мясо на вертелах, повсюду стояли свежавыжатые соки, вино и напитки. Когда солнце зашло, площадку на зеленом газоне осветили какой-то особой подсветкой. Было зажжено невероятное количество разноцветных лампочек. Музыка звучала так дивно и по южному громко, что, казалось, они, действительно, были на краю земли. Love you, love you again. В какой-то момент появились темнокожие актеры, которые подкидывали зажженные факелы, пуская их между плеч и жонглируя. Попеременно опрокидывая и вновь подбрасывая вверх.

– Как хорошо, да? – спросил он, протягивая ей сок, не отрываясь взглядом от жонглеров.

– Очень...

Потом они колесили по всем штатам. Поехали на север, а потом сели на самолет, долетели до Сан-Франциско и поехали на Гавайях.

Дальние острова, которые когда-то подверглись нападению. Знаменитый Перл-Харбор, который японца стирали во время войны с лица земли. Скалы, и самый дорогой курорт в мире.

На Гавайях было столь красиво, что на память приходили все разнообразные сюжеты кинофильмов. Перелет через океан. Гавайское мороженое, во льду.

Огромные номера Хилтона, голубые бассейны вдоль океана, прямо на улице. Море цветов и ароматный кофе. Прогулки ночами вдоль океанских угодий, маленькие лавочки, где можно было купить все, от деревянных изделий-сувениров, изготовленных индейцами, до огромных шерстяных пончо. Дивные высоченные пальмы, и ощущение парникового эффекта напоминало о том, что находится они вдали от мира. Совсем далеко.

– Мамочка, я на Гавайях! – говорила Надежда в телефон, привычно щелкая аппаратом.

Разница в 14 часов, сутки лету, далекий остров, между Японией и Штатами. Когда они ехали на пароходе, было не просто волшебно, но как шампанское, которое вдруг неожиданно, выключило все, что помнилось. Создало эффект счастья, без отрицания. Дало новый заряд бодрости и счастья. Розово-перламутровое, апельсиновое море и небо, скалы и ветер.

– Андрей! – сказала Надежда, в очередной раз возвращаясь вечером с прогулки по палубе.

5.

Болела. Потом, спустя много лет. Боялась. Жизнь менялась по своим законам. Он был все равно всегда рядом, как будто бы и не уходил. Улыбался своим понимающим взглядом, и совершенно по-новому обращался к ней.

Выздоровливая, каждый раз она снова понимала, что жизнь вокруг набирает страшные обороты лишь потому, что так надо. Снег идет реже, но напряжение способно сбить с ног, нарушить жизненный покой, еще раз напомнив, что жизнь – краткий миг.

Как-то вышла она утром на лестничную площадку и увидела, что дивная собачка английской породы, белая, маленькая и смешная. Та самая, которая жила у соседей, вдруг забежала к ним в квартиру. Ни на шутку удивив сына, собачка, резвясь и причитая, села на пол и оставила за собой маленькую лужицу.

Надежда смотрела на эту добрую жизнелюбивую животинку, и радовалась. Хозяйка даже не вошла в их квартиру, захлопнула дверь. А собачка, неожиданно воспрыв от подаренного одиночества, вдруг выскочила из нежданного приюта, побежала вниз по лестнице, сбивая все на своем пути. Сосед сверху, горделивый грузин, почему-то с нескрываемой радостью только что здоровавшийся со всеми, вдруг выпустил собачку на улицу, на снег, громко захлопнув за собой дверь.

Хозяйка обнаружила пропажу не сразу. Наспех одев пальто, выбежала в метель, громко причитая. Надежда в какой-то момент вспомнила, как воспитательница в их детском саду, трое суток бегала по парку. Вспомнила ее отчаяние от пропажи собаки, совсем другой породы. Но это был такой домашний, такой милый, пушистый пес, столь приятный сосед. Осознать столь странную потерю было тяжким испытанием.

– Тоби, – кричала соседка на весь двор. – Тоби!

Пес не возвращался целый сутки. Один раз, не выдержав, и выглянув в окно, Надежда увидела, какой пронесся мимо их дома, на бешеной скорости, скрытый пургой, которая сутки не прекращалась.

– Тоби! Тоби! – повторяла Надежда про себя, не зная, расстроена ли она за собаку, за хозяйку, за грузина, который так легкомысленно отпустил собаку. Или за себя.

– Я так тебя люблю, – снова и снова говорила она вслух, уже не пытаясь придумать никакую другую историю, кроме своего всегдашнего ощущения счастья, которое уходило, исчезало, но всегда снова возвращалось, когда шел снег.

На Семи Холмах

Антонина сидела за пианино, и все рассказывала-рассказывала.

«Эпизодов много ли? Конечно, много. Фрагменты жизненных сцен, мысли, воспоминания. Калейдоскоп. От детства до сегодняшнего момента. Или наоборот, еще раньше детства. До рождения».

«Иногда они блеклые, эти истории, иногда яркие. Нет, никогда не казалось, что нельзя рассказывать. И совсем не обязательно, что это исповедь. Вы знаете, речь, ведь, такая вещь. Мы не знаем до конца, говорим ли мы свои собственные мысли, или мысли окружающих людей. И если они просятся на поверхность, очень часто это необходимо для кого-то. Так, по крайней мере, мне казалось всегда. Иногда важно сказать. В знак благодарности тоже».

Иногда Антонина останавливалась, еще больше углубляясь в свои мысли, как будто бы давала интервью или искала что-то важное, в глубине сознания. Настойчиво искала, почти физически.

– Или, вот, еще... Особо запоминаются моменты какого-то очевидного и явного просветления. Но оно часто сопряжено с чем-то печальным. Вот, например, был случай. Все уехали, и вдруг неожиданно заболел Саша. У него была высокая температура. Я звонила врачу, а врач, так всегда поддерживающий нас, ни за что не хотел приезжать. Не мог. У него тоже все дома болели. Он говорил, что я справлюсь сама. И я справилась. Теперь только, вот, отчетливо помню, что, когда температура в который раз поползла резко вверх, я снова позвонила врачу, уже в панике, а он сказал, чтобы я не нервничала так, ничего не выдумывала, а срочно растирала его. Чем? Ну, как чем? Водкой, конечно. Водкой, водой и уксусом.

– Чем-чем?

– Вы не знаете? Только не переборщите, если будете пробовать! Вот так меня этот врач просил. А потом быстро и четко выговорил, «У вас водка-то есть»?

Водки у Антонины никогда раньше не было. И теперь не было. Так повелось. Мама ее вообще водку дома не держала. А когда один хороший приятель папы, важный москвич, который много ездил по заграницам и был известным оратором, пришел к ним в гости со своей супругой, и вальяжно, прямо на пороге, собирался вынуть престижно завернутую бутылку, жена толкнула его в бок и тихо шепнула, только Антонина это и слышала: «Ты разве не видишь, в какой дом ты пришел?! Убери водку!»

В общем, в двенадцать часов побежала Антонина к ларьку, купила эту самую водку за двести рублей. Самую дорогую. А когда стала натирать Сашу, который, перепуганный лежал на спине, то, вот, снова вспомнила этот эпизод из фильма. Когда главный герой приезжает к ней, чтобы сказать что-то важное. А потом вдруг видит, что она температурит, болеет совсем. Он тогда достает эту бутылку с водкой, и начинает ее натирать, словно нашатырем. Натирает, натирает. Очень эротично получается у него.

Вот такое творчество. В фильме столько нежности, тепла, любви, а запомнилось только, как он ее натирает. И, вот, сидя с этой бутылкой водки перед Сашкой, меряя каждую минуту его температуру, в кромешной ночи, она снова и снова видела перед собой, как тот парень в фильме ее натирал и натирал. В общем-то она так всю ночь просидела над Сашей, как доктор и обещал ей. Как и сказал, «ночь у вас будет непростая».

Но зато под утро все уладилось, и Саша поправился.

А потом снова – раз, и – телефон. Подруга. Какой-то доклад, грант, спектакль. И снова перед глазами, как какое-то далекое, райское, как сто лет назад. Юг, взморье, и этот фильм в старом кинотеатре под открытым небом. Жара – нестерпимая, а все только туда и идут, к этому старому кинотеатру, чтобы под гул цикад этот фильм увидеть.

Многие фильмы так смотрели на юге. Особенно новые. Кинотеатры были деревянными, из всех щелей сквозило, но можно было примоститься около окна зарешеченного, если не хватало билетика, и смотреть в щелку. Почти как в детстве можно было заглянуть на «Человека в железной маске», или на первый ее фильм в жизни, который был про маленького мальчика и назывался «Травка». Папа повел ее тогда в кинотеатр «Максим», прямо рядом с домом. Вот там она первый раз с кино и познакомилась.

Ждать? Конечно, всегда нужно ждать. Своего. Любимого. Дается все, о чем просишь. Это тоже правда. И тоже, если ждать. Почему-то в это давно перестали верить. Но это только те, кто не видит ничего вокруг кроме марева каждодневной жизни. Ну и те, кто Богу не верит. Или – еще хуже, в Бога не верит. Так и не доказала Антонина им ничего, не объяснила. Видимо, плохо пыталась.

Но зато с какой радостью она на весь мир вздохнула, что тот день выпал именно на пятое февраля. Об этом, конечно, никто так и не вспомнил. По крайней мере, вслух.

Антонина бросила на собеседницу взгляд, как дыхание перевела.

– Продолжать? – еще более решительно спросила она.

– Ну, продолжайте, – несколько недоуменно подтвердила собеседница.

– Продолжаю. Так вот. День этот не простой день, а день покровительницы семьи и женщин вообще. Это – счастливый день.

Антонина снова перевела дыхание, вспоминая, как она шла на кладбище. Туда. Людей там всегда было много. А люди просто так не ходят, сами понимаете. Протопанная дорожка. На том самом месте – церковь небольшая. О чем эти люди, женщины просили, когда приходили сюда? О мужьях? Для мужей?

А потом снова – жизнь, суета, обратно – в каждодневное. Поезд – в Хельсинки. Легко, весело. Осень, и так воздушно под ногами шуршит безумной красоты разноцветный лиственный ковер. По дороге вдруг дико заболел зуб, но ехать все равно было нужно, разве можно прервать путь из-за такой мелочи?

Городок – совсем маленький, тихий, чудный. Гостиница, как только в Англии бывает. Ну, или в Европе. На одну комнатку. Тишина – мертвая. И вот в этом самом городке, очень скромном и бедном даже, – статуя – точь-в-точь, как та девушка, которую она когда-то видела. Одно лицо. Статуя – в маленьком парке, окруженном кустарником и зеленым деревянным забором. Это памятник известной финской писательницы девятнадцатого века...

Принимали Антонину в Финляндии хорошо. Они очень вежливые люди. Ощущение там совсем как в деревеньке небольшой. Тихо, райские яблочки растут по всей территории. Камешки на песке, чтобы не упасть. Неожиданно пришло очень много народу. Когда она рассказывала о том, как книги пишут женщины, послушать этот рассказ в этом небольшом городе объявленный, пришло почему-то сто шведок. Было так странно и особо приятно, что не очень она отстала от жизни. Не все придумала. Впрочем, разве об отставании речь?

Антонина снова перевела взгляд на собеседницу:

– Вы меня понимаете?

– Нет, я слушаю, – ответила собеседница, пытливо рассматривая чашку в своей руке.

– Видите ли. Есть тут одна загвоздка все-таки, не дает она мне покоя. С их западным миром.

– Какая?

– Да не всегда они правы. Пытаются нас поставить куда-то назад, а разве религия о дремучем? Это все же магия о дремучем. Религия – совсем о другом.

Собеседница снова поморщилась:

– Я ничего такого вам не говорила.

Антонина опустила голову, вздохнула, и почему-то снова начала играть. Одной рукой только, водить тихо по клавишам.

– Вы говорите, ждать нужно уметь?

– Без всякого сомнения.

– Да.

Антонина уже не играла. Она еще долго-долго рассказывала про разные страны, разные обычаи. Почему-то все время не могла успокоиться про одного англичанина, которого встретила случайно в Лондоне, очень давно, когда вдруг заболела.

– Заболели?

– Да. Без родины все болеют, вы не знали разве? Толстеют, худеют. Русские люди очень плохо переносят границу, если только совсем бесчувственные, то сразу привыкают, но обычно, все-таки, – нет. А так сложно бывает. Я в какой-то момент позвонила своей приятельнице в Оксфорд, говорю, что «умираю». А она мне, знаете, что говорит? «Ты что?! Зря! Тебя же никто транспортировать не будет! Здесь прямо и похоронят! В этом лесу! Представляешь себе!?»

От ужаса, продолжала Антонина, я, сразу выздоровела, как представила подобную картину.

* * *

Британский город, где она долго жила, был как Рим, в общем-то. Он стоял на семи холмах. Как говорят англичане, «к сожалению, это единственное, что эти два города объединяло». Производство стали, толстый слой копоти на обветшалых домах, самая уродливая архитектура, на которую способно человечество в двадцатом веке. Здание, где Антонине в течение года предстояло работать, было расположено в башне из восемнадцати этажей, в котором было только два лифта и оба не работали. То, что Петр не на том месте Петербург построил, – не ново, но, по-русски, наивно-самокритично. Башню в английском городе воткнули на месте, где круглый год в любое время суток бушевал шквалистый ураган. Пройти шаг вперед, чтобы не сделать тут же два назад, было невозможно. Этот же ветер сотрясал студии и жалюзи, и, в большинстве случаев, то, что спрашивала Антонина, и то, что отвечали, так и оставалось загадкой.

Миллионный город представлял собой самую большую деревню Англии, потому как центр находился на малюсенькой площади с двумя соборами и пятью магазинами, а остальное пространство было занято бесконечными нетопленными домами. После шести часов город вымирал и единственным местом, куда можно было пойти, становился паб или ресторан. То есть за год можно было стать либо среднерусской красавицей необъятных размеров, либо тихим алкоголиком. Скорость жизни местных жителей было трудно сравнивать с захватывающим душу круговоротом страстей в России по определению. Студент, задерживающий автобус, набитый опаздывающими на работу англичанами в девять утра, невозмутимо искал свой кошелек в течение пятнадцати минут, за что получал от водителя вежливую улыбку и пожелание приятной поездки.

От Антонины он мысленно получал прямо противоположное улыбке, как и терпеливая очередь, выстроившаяся перед остановкой автобуса, которого не было еще полчаса. Если автобус был переполнен (заняты все пятнадцать мест для стоящих), англичане выходили и ждали следующего. Русская присказка «не бегите за мужчиной или автобусом, подождите следующего» не вызывала смех, потому что за автобусом бегали только эмигранты из стран третьего мира, а за мужчинами – только красавицы из восточной Европы. И те, и другие вечно торопились, вечно ругали Англию, на чем свет стоит, и ни за какие коврижки не собирались ее покидать.

Понятия гостеприимства в Англии и России несколько различаются. Когда в Россию приезжают иностранные гости, их по приезде вежливо не оставляют в гостиничной комнате на

чемоданах и без ужина. А когда эти иностранные гости приезжают работать, их не озадачивают немислимым «найдите-ка и снимите квартиру до завтра».

Трудность последнего заключалась в том, что искать квартиры, которые сдают в наем по объявлениям, – задача для особо одаренных. Адреса на объявлениях не было, поэтому Антонине приходилось монотонно обзванивать владельцев, общаясь с их мобильными автоответчиками. Когда ей все-таки удавалось заполучить искомый адрес, радоваться долго тоже не получилось. Маленькие кривые улочки города, скучно ползущие по семи холмам на аккуратно разрисованном плане, вовсе не соответствовали жестокой действительности. Шагая по этой самой улочке, Антонина вдруг обнаруживала, что улочка нежданно-негаданно превращалась в крутую гору, по которой в течение вечности приходилось взбираться наверх, где Антонину ждало следующее открытие. Вход в дом не был с главной улицы, а вел через сад, поэтому пролезть-таки вовнутрь удавалось, только перемахнув через забор и взломав калитку с надписью «осторожно – злая собака!»

Приятное знакомство с хозяином, впрочем, не вводило Антонину в заблуждение относительно предстоящего совместного проживания. Было очевидно, что промозглой зимой ежесекундная мольба хоть чуть-чуть обогреть нетопленое веками помещение будет сопровождаться вежливым и уверенным «здесь же так жарко».

На «жарче бывает только в сибирской проруби», Антонине, впоследствии, не возражали. Просто вырубали отопление к чертовой матери. Поскольку после одиннадцати вечера, «вы все равно уже ляжет спать». Антонина обычно справлялась с ситуацией достойно, то есть засовывала под одеяло грелку с водой и бутылку джина под подушку, как делала королева-мать, по понятным причинам.

А какие дома предлагали Антонине для проживания! Предприимчивые японцы умудрились купить старинный полу-замок и переоборудовать его для сдачи в наем. Были и нетопленые годами комнатухи, в которых ютились по шесть студентов. В одном из таких домов раньше была мясная лавка Викторианской эпохи: мясник заштукатурил устрашающее помещение и драл сто фунтов в неделю!

Как заблудившаяся в жизни начинающая актриса, ищущая под крошечным ливнем уюта и себя в грустном городе, Антонина обивала пороги. Открывали дверь заспанные студенты, непонимающие никакой язык китайцы, заинтересованные красавцы-турки и белоснежная девица, которая, под конец, в привычно деликатной английской манере спросила: «Как вы относитесь к тому, чтобы делить обязанности по уборке дома?»

Антонине это напомнило душещипательный сериал и слова: «Можно я тебя сейчас поцелую?» Подобные вопросы Антонина считала – риторическими.

За окном сгущались сумерки. Маленькая мощеная площадь небольшого английского городка зажигала печальные огни. На столе мерцал отражениями голубовато-серый экран монитора.

«Так вот», – продолжала Антонина, – «почувствовала я что такое свое – тоже здесь. И не свое тоже».

Когда шла со своим новым приятелем, через лондонский мост. Почувствовала она вдруг, что задыхается, что совсем больше не может. Как-то незадолго до этого позвонила она одной известной московской актрисе и спросила, «что делать, ведь, мне снится запах Невы». Актриса ответила: «Приезжай, понюхай, поезжай обратно!»

В общем-то... так и было. Только обратно она не поехала. Дома осталась.

Как-то почувствовала она в Лондоне, что потеряет сейчас сознание.

Вцепилась она в руку своего этого приятеля, толстую такую руку. Попросила, чтобы отвел ее к врачу. Шла и думала, как страшно потерять контроль и заболеть. Как страшно, что никто кроме этой вот толстой руки не способен помочь.

«Вот так, вот, и соглашаются, так вот...» – все думала она, думала про себя, а когда села на скамейку и пришла в себя, вдруг поняла, что может теперь и убежать от него, раз ей стало лучше. Они как раз доехали до его дома. Он пошел звонить кому-то, может быть, снова врачу, а она по коридору тихонько прошла, по стенке, дверь открыла и ушла.

«Я только на всю жизнь запомнила, как ужасно, когда настолько нет сил, что можно ради спасения жизни, позволить себе взять эту руку».

Собеседница Антонины немного отпрянула, а потом от неловкости улыбнулась:

– Руку? Но ведь это смешно! Всего-то?!

– Никогда не могу этого забыть! И каждый раз с тех пор кричу – верещу, когда кто-то вырастает перед глазами, в общем, не тот, кого жду!

– Так нельзя! – уже немного скучая подбадривала Антонину собеседница.

– Так нельзя, но того эпизода как-то хватило. По большому счету, ведь компромиссы повсюду, но этот самый компромисс на уровне отношений кажется самым страшным почему-то... До сих пор. Такое предательство.

Собеседница встала, потом наклонилась куда-то вперед, прошла по комнате, давая понять, что тема разговора исчерпана.

– Мы снова в какую-то не ту реальность попали, да? – спросила Антонина.

– Да, уж, из другой жизни...

– Не скажите... Не скажите. Как раз из той самой-самой, что ни на есть – настоящей...

Сами говорили, что цените искренность.

– А причем тут ваш бог?

– Так совесть всему показатель. Совесть. А все другое – так. Просто кажется, что имеет значение. В общем, нельзя никого слушать. Надо верить. Верят-то – просто так.

– Слова это...

Почему-то погас свет, и они теперь, несколько ошарашенные обе, снова сидели в темноте. В дверь позвонили, и Антонина, поправив прическу, слегка встрепенувшись, быстро пошла ее открывать...

В тени деревьев

Александра часто теперь задавалась вопросом о том, почему люди легко друг друга осуждают. И почему человек, не очень открытый, или, скажем, не такой душевный, удивляется, что ему бывает грустно, а человек по-настоящему добрый, как кажется, радуется каждому мгновению? Может быть, все же, жизнь справедлива? Может быть, всему есть свои объяснения? В любом случае, влияют люди другу на друга самым непредсказуемым образом.

* * *

Познакомилась Александра с Кариной, когда работала в Восточном банке. Карина очень настойчиво рассказывала Александре каждую их встречу об одном своем руководителе, шотландце, преуспевающем бизнесмене. Потом они с Кариной еще долго дружили, то есть вместе обсуждали фильмы, вместе работали, думали о том, как Карина совсем скоро выйдет замуж и начнется новая жизнь. Однажды, Александра даже провожала Карину на поезд в новогоднюю ночь. Подруга ехала встречаться со своим будущим мужем, а он ехал к ней навстречу, в другом поезде. Новый год должны были встретить вместе. Но тогда Карина на поезд опоздала.

Девушки вместе бежали по перрону, тащили тяжелый рюкзак напополам, но в вагон Карина так и не села, поезд медленно отходил, а они все бежали, сначала вровень составу, по платформе, потом, за вагоном, никак не примиряясь с тем, что отстали.

Александра не совсем даже помнила, что было потом. Карина часто приезжала к Александре в гости, когда та вышла замуж. Как-то вечером сидела напротив Александры и упорно смотрела в глаза своими голубыми даже не глазами, а очами, большими как озера, что-то пытаясь предсказать о жизни подруги. А потом почему-то победоносно ушла спать и засмеялась, как будто бы увидела что-то важное о будущем в глазах Александры.

Еще до замужества Александра часто приводила к Карине в гости своих знакомых. Многие Карине не нравились. Она как будто осуждала Александру за такое количество молодых людей вокруг, за легкость общения, за хорошее настроение. Александре было тогда все как будто бы слегка безразлично и беспечно. И ей нравилось производить впечатление человека благополучного. Несмотря на то, что она хорошо знала, как это не нравится, раздражает подругу, отказать себе в подобном удовольствии было сложно.

Если кто-то приезжает покорять город, начинает все с нуля, очень сложно сочувствовать человеку, у которого все, к чему стремишься, есть заранее. Обустроенный дом, завидная учеба, обеспеченная работа, все устойчиво и заранее известно. Александра не только не скрывала подобное положение дел, ей нравилось это подчеркивать.

Самый близкий приятель Александры вызывал особое восхищение у Карины, и этим же раздражал ее больше всего. Своей чрезмерной, незаслуженной заботой об Александре, усердием, романтичностью, вниманием, и тем, что он был англичанин. За него, собственно, Карина уже откровенно осуждала Александру. В общем-то, она и была права, особенно, когда открыто критиковала Александру за плохое отношение к приятелю, за беспечность, которая заключалась в том, что Александра публично морочила парню голову, то есть была самой собой. Независимой, насмешливой, если не уверенной, то непоколебимый в своем собственном образе и мнении.

Потом Карина пригласила Александру на свою свадьбу. В небольшом уютном кафе было много народу, было легко и радостно. С мужем, правда, у Карины как-то не сложилось потом.

Относились Александра к Карине как-то по-особому хорошо, или ей это только казалось? Возможно, в юности, мы приписываем себе совершенно иные чувства и свойства. Самое инте-

ресное, конечно, что разные люди раскрывают в нас разные ощущения, провоцируют разные действия. Александра хорошо помнила почему-то арбуз, который они с Кариной и ее мужем ели на заливе, когда Карина переехала на новую квартиру, с видом на Балтийское море. Помнила она и как шла потом, много лет спустя по берегу Средиземного моря, далеко-далеко от северных районов, смотрела на выброшенные на берег медузы, огромной величины, и думала, что все в ее жизни сложилось на редкость удачно, несмотря на то, что именно по этому берегу она шла много лет назад, с грустью вспоминая и последнюю встречу с Кариной, и то, как они долго ели этот никчемный арбуз. Вспоминала и грустно шла по бесконечному песчаному пляжу, по которому через десять лет будет бежать, радостно и вдохновенно, перебирая ногами непослушный обжигающий пятки песок.

* * *

Была у Александры еще одна подруга, Анастасия. Ужасно веселая, бодрая, яркая. В какой-то момент она вдруг придумала себе историю. Вместо упомянутых и разумных идей, Анастасия стала вдруг рассказывать, что влюблена в одного парня, очень богатого американца. В какой-то момент она уехала к нему в Америку, а потом неожиданно вернулась обратно, продолжая намечать очертания их совместной жизни, видимо, уже только в собственном воображении. Была она необыкновенно воодушевлена. Рассказывала о нем все время. Часто рассказывала именно о его красоте почему-то, уж больно хорошо он был сложен. Высокий, стройный, ладный, модный. Как-то Александра просталась с Анастасией на остановке автобуса, и Анастасия вдруг сказала что-то для Александры на тот момент обидное. Ну, бывает так. То ли ей не нравилось сидеть с Александрой рядом, то ли еще что-то не нравилось. Как будто бы хотела вдруг прочертить линию незримую между их, таким странно возникшем романтическом миром дружбы и другим, настоящим... Когда много лет спустя Александра сказала Анастасии по телефону, что у нее родился сын – Анастасия не просто удивилась, ужаснулась, или обиделась. Не за то, конечно, что родился сын, а что подруга ей вовремя об этом не сообщила. «Или ты мне все расскажешь, или мы с тобой немедленно расплюемся!» – бодро сказала она по телефону.

Почему так? Может быть, потому, что Александра свершила то, что Анастасии самой хотелось сделать, но чего она боялась? Видимо, с детьми всегда сложнее все вопросы решать, или даже страшнее? После того разговора подруги больше не общались, но часть Анастасии всегда незримо присутствовала в Александре, как что-то педантично правильное и, одновременно, моментально вспыхивающее. Почему-то Александре было больше всего странно именно от этой истории дружбы, настолько неожиданно она повернулась, настолько странно закончилась. Зато любые проявления образованности действовали на Александру теперь слишком удушающе. Она хорошо понимала, что образованный и культурный человек, вовсе не приговор, но забыть, что определенные неожиданности с этим тоже сочетаются, почему-то тоже не могла, наперекор здравому смыслу. В общем, Анастасия научила Александру откладывать книги вовремя, и заниматься в жизни иногда чем-то еще более полезным.

* * *

Когда Александра шла по фойе той замечательной гостиницы в Индии, она даже не могла себе представить, кого она через минуту увидит. Увидит и запомнит навсегда. И не только никогда не забудет, но даже о другом и думать особенно не будет, настолько после этой встречи она вдруг осознает, до какой степени человек может быть всеобъемлющ, интересен, неисчерпаем.

В фойе гостиницы она увидела небывалой красоты человека. Обернулась, и сразу обратила внимание. Это была очень красивая, темноволосая и высокая женщина, которая стояла прямо передо ней, и что-то тихо говорила своему спутнику. Потом она медленно повернулась и пошла к выходу. Александра долго смотрела ей вслед. Женщина вышагивала, ровно и спокойно, немного чинно, перебрасывая перед собой странного свойства разноцветные ленты, или гирлянды, которые несла в огромных количествах.

– Ничего себе. Господи! – только и успела подумать Александра. – Англичанка?

Александра подумала так только на несколько мгновений, а потом неожиданно для себя познакомилась с этой женщиной. Говорили они по-английски, немного по-испански, и даже по-португальски. Потом женщина приветливо пригласила Александру на обед, как-то легко, запросто и дружелюбно. Через пару дней они настолько подружились, что стали вместе кататься по красивым дворцам в окрестностях Дели. Сопровождали их несколько знакомых, одна супружеская пара, и несколько мужчин среднего возраста, с которыми они тоже познакомились за обедом. За границей, особенно на отдыхе, очень легко знакомиться. Там хорошо проверена и давно узаконена сфера дружеского общения, без претензий на флирт или исключительно деловое сотрудничество. Возвращались они домой лишь поздно вечером, усталые, вдохновленные, в ожидании нового дня и новой поездки.

В городе и окрестностях гуляли и разговаривали. Храмов в округе было несметное количество, поэтому, погрузившись в микроавтобус, в котором было так уютно, они ездили каждый день смотреть новое место, поражаясь местным красотам и необычным видам. Александре все казалось удивительным и при этом гармоничным, совершенно естественным. И поездки, и беседы.

Ее спутница была чуть менее словоохотлива. Было очевидно, что она никого никогда не осуждала, даже намеком, не жаловалась на жару и еду, на протяжении двух недель, как Александре казалось, вела себя совершенно безупречно. Нельзя было ни на одну минуту предположить что-нибудь о смене настроения, так характерного для любой женщины, или о неправильной ноте беседы, грусти. Настроение у нее было отличным всегда, а в разговоре была неподдельная искренность, ей всегда сопутствующая, совершенно очевидная и естественная. Она никогда не показывала ничего темного, свойственного человеку. Спускалась в фойе точно в назначенное время, без опоздания. Была весела, воодушевлена, полна сил, энергии, мыслей.

Путешествие к Тадж-Махалу Александре особо запомнилось. Храм оказался еще более прекрасным, чем это можно было представить. Накануне она очень долго переводила на выставке, помогала новым знакомым. Обсуждали самолеты, подводные коммуникации. Она немного нервничала, что не справится. Группа русских ее подбадривала. Потом ей вдруг стало нехорошо, как будто все внутри сковали невидимые цепи надвигающейся болезни, то ли от смены обстановки, то ли от напряжения. Она бежала к себе в номер, падала на огромную кровать, и пыталась понять, заболела ли она или нет каким-нибудь страшным заморским недугом. А потом снова вскакивала, и бежала вниз, по роскошной лестнице в уютный, отделанный золотом зал.

Они поехали на экскурсию все вместе и совсем рано. Долго петляли мимо наполненных людьми улочек. Потом остановились на одной из них, Александра вышла из белоснежного микроавтобуса западной марки, и быстро пошла в небольшой магазин покупать роскошный индийский чай. Чай был ароматный, он был многих сортов, выставлен в отдельных разноцветных баночках по всему магазину. А потом они вновь долгое время ехали по совершенно раскаленным шоссе дорогам. Из мотороллеров-рикш свисало по десять человек улыбающихся пассажиров, а из пыльных автобусов – по сто голов местного населения. Вели себя индусы тихо и спокойно, доброжелательно, и покорно. Как много лет назад, так и сегодня, их внутренняя радость, удивление от жизни, жизнелюбие, поражали до глубины души, или другой какой-нибудь кармической инстанции. Коровы, здесь, кстати, действительно, ходили по улицам взад-

вперед, а торговцы лепешками вызывали совершенный ужас и восторг одновременно. Ведь каждая приплюснутая лепешка, обильно смазанная пахучим маслом, такая вкусная для местного жителя, казалось, могла стать смертельной своей отличительностью, для непривыкшего к местным микробам европейца. На паперти сидел седой индус и брил своего клиента, который как обычно зашел в местную парикмахерскую, на открытом воздухе. Волосы клиента падали прямо в пыль, соединяясь с местным мусором и хорошим настроением в какой-то неведомый сплав истории, грязи и святости.

– Do you like Delhi? – неожиданно для себя и несколько поспешно спросила вдруг Александра, пристально разглядывая проносящиеся мимо окрестности незнакомой страны. – Вам нравится Дели?

– Yes! – ее спутница теперь улыбалась, изредка приподнимая голову от путеводителя. Она приветливо кивнула, а потом снова погрузилась, как казалось, в свои мысли.

– Вы находите Дели большим городом? – чуть более настойчиво продолжала Александра, пытаясь удержать тему разговора, – Delhi city...

– Я бывала здесь раньше, – ответила собеседница Александры, – очень давно.

– Лет десять назад?

– Лет сто назад! Unos cien años atras! – почему-то по-испански ответила ее спутница, едва слышно засмеявшись, терпеливо вглядываясь то в книгу, то в очертания чего-то что было на месте исчезнувшего за поворотом автобуса.

– Было хорошо? – продолжала своей допрос Александра, воодушевившись.

– Да! Было – прекрасно! Muy bien! – она снова улыбалась и снова углубилась в свою книгу, опрятно и удобно покоящуюся на коленях.

– А Вы хотели бы приехать сюда еще? – не замечая настырности своего допроса, продолжала Александра, осознавая лишь, что боится его закончить.

– Конечно, – отвечала ее собеседница. – Почему бы и нет? Why not?

Английская фраза почему-то вернула разговор на прежнюю точку отсчета, как будто его и не было.

Тадж-Махал показался огромным. Белый храм, одно из чудес света возвышался вдали посреди палящего солнца в этой небывалой, покрытой цветами и запахами дыма стране. Ворота были местом остановки. Экскурсовод долго объясняла, что, подходя к мечте, вы наглядно видите, что она становится меньше (и действительно, было видно, как это огромное, из белого мрамора, здание – уменьшалось, когда вы приближались к нему немного, и наоборот – увеличивалось, когда вы отходили назад, к воротам).

Тадж-Махал – грандиозное и очень красивое место. Молитва в своем архитектурном воплощении. Группа нервничала, потрясение было ни с чем не сравнимо. А вечером снова – легкость, счастье, бесконечные часы разговора ни о чем, приглушенный свет и музыка.

Однажды, там же, в пригородах Дели, поздно вечером, уже за полночь, был устроен неожиданный праздник, то ли чей-то день рождения, то ли годовщина важного события. Она снова спустилась, спокойно прошла к их столику. Они снова долго разговаривали о жизни, о прошлом, об Индии, на всех возможных языках. Казалось, что вокруг была дымка восточной сказки из какого-то неведомого сна. Марево чувства, о котором и сказать ничего нельзя, потому что его и нет совсем, лишь ненавязчивые очертания. Ночью Александре снилась одна из поездок по темному Дели и то, как она потерялась в городе с сотней мечетей.

Когда она уезжала рано утром, Александра спустилась утром в фойе, чтобы попрощаться. Как обычно, радужно и легко, она помахала Александре на прощанье и сказала, что они еще обязательно встретятся. Проводив до машины свою удивительную знакомую, Александра неожиданно для себя спросила у портье в фойе, кто же все-таки была эта постоянщица.

– Вы разве не знаете? – портье, казалось, был доволен и воодушевлен как никогда. – Это – принцесса Люксембургская... Знаете, такое маленькое государство?

Александра чувствовала, как у нее округлились глаза, зрачки расширились, а потом снова сузились. Впрочем, через минуту она поняла, что даже не удивилась, а с неподдельным интересом снова следила за каждым движением портъе, как будто бы он тоже имел к Люксембургу какое-то отношение.

– Да, – уверенно повторил портъе. – Это она. Вы разве не узнали ее? Она очень красива, правда? Очень добра ко всем, и у нее, кстати, большая семья, пятеро детей, – пояснил он уже чуть тише, деловитее, а потом спокойно поднял трубку надрывающегося телефона и четко ответил на очередной звонок.

Александра часто приезжала потом в эту гостиницу, и в общем-то после этой встречи как-то особенно преобразилась.

* * *

Александра шла по полю в сопровождении своего университетского приятеля и его жены, и смотрела на озеро, которое ей вдруг открылось перед глазами. Огромное, бледное, с отражением бесконечного ряда деревьев с широкими кронами и неба, всех оттенков голубого и синего. Они шли еще долго, вдыхая летний аромат полевых цветов и жаркого воздуха. Дышалось как-то особенно хорошо, легко, свободно. Небольшую церквушку окружала сухая трава, клевер, поникшие цветы, засохшие от жары. Корпус ее был частично деревянным, а частично облупленным, красновато-кирпичным. Огромный колокол висел на всеобщем обозрении, и был виден еще с большого расстояния, когда они спустились к речке. Поодаль стояла еще одна церковь, немного наклонившаяся вправо, под углом, а впереди, на другом берегу озера, возвышалась уже третья церковь, совсем новая, белая, недавно построенная. Они медленно поднимались на колокольню. Александра видела себя вдруг как будто бы со стороны, как ставила ноги на широкие ступени, с каждым шагом осознавая что-то важное, как ей казалось, и о себе, о других людях. Когда она оказалась на самой вершине колокольни, то неожиданно для себя, вдруг почувствовала удивительную легкость, что-то внутри произошло совсем быстро, как будто бы тонкий часовой механизм на секунду застыл, а потом вновь пошел, найдя свои потерянные, но так быстро обретенные ресурсы. Все внутри было согрето этим странным озером, этим огромным колоколом, этой странной речкой, вдоль которой они так долго шли, и которая соединяла и разъединяла эти три такие разные церквушки.

Колокол звонил очень громко, почти как набат, но, когда она снова стали спускаться вниз по лестнице, он звучал все тише и тише, как будто бы успокаивая ее, не нарушая границу ее присутствия, сохраняя что-то важное и цельное внутри.

Воздух здесь был столь свежим, что быстро закружилась голова, и на какой-то момент внутри стало так хорошо и счастливо, что она заплакала, не в силах выдержать такого энергетически чудесного столкновения с действительностью.

«Вот дела», – только и успела подумать она, а потом бодро и энергично зашагала вперед по едва заметной тропинке, пытаясь отбросить так некстати нахлынувшие мысли.

О чем ей чаще всего рассказывали последнее время? О достижениях и свершениях. Об этом ей чаще всего напоминали в связи с обязательствами, которые она должна были выполнять. А обязательства были связаны с правилами либо тех, кто образован, либо тех, кто сведущ в отношении того, что стоит делать, а что делать совсем не нужно. Воспоминания об Индии, впрочем, были единственным наглядным и явным исключением из правил. Видимо, для того, чтобы попасть к этому озеру и к этой дивной церкви в маленьком, скромном, русском городке, нужно было познакомиться с чем-то иным? Но почему у этого городка было столь много общего со спокойствием, умиротворением, благородством Люксембурга, а у других жителей планеты его совсем не было?

Александру теперь не удивляла несправедливость жизни. Наоборот, она давно считала, что жизнь удивительно справедлива. А учиться вовсе не обязательно нужно через тоскливое и жалкое. Можно сразу учиться через радужное, яркое и прекрасное!

Картинная галерея

Я помню, очень хорошо помню, когда первый раз оказалась в Эрмитаже. Меня не брали в кружок рисования, а потом все же зачислили. Папа привел меня туда и сразу покорно согласился с тем, что талантов в области живописи у меня не намечается, а, вот, мама с таким приговором не согласилась, пошла тогда в Музей сама, и очень просила руководителя кружков пересмотреть свое решение. Я проходила испытания повторно, пела, читала стихи Пушкина, и несмотря на полное отсутствие хоть каких-то явных способностей, меня все же приняли, как всегда – благодаря маме.

Многие писатели рассказывали, что помнили себя с возраста одного года, иногда даже со времени до рождения. Я ощущаю себя полноценно, то есть помню, лет с двух, наверное, и, вот, тот самый эпизод, когда в шесть лет вошла в крытый белыми сводами отдел Музея, где сидели двадцать детей за мольбертами. Меня тоже посадили за мольберт, поставили маленькое ведерко на табуретку рядом, и я, как другие дети, стала сосредоточенно мешать краски, как терпеливый красивый преподаватель нам объяснял это сделать. Он был очень спокойным и добрым. Я отчетливо ощутила небывалое спокойствие, и какую-то внутреннюю тоску, которая появилась тоже неожиданно, и ниоткуда. Наверное, здесь я ее почувствовала впервые.

Несмотря на радость ожидания нового, была и какая-то ниоткуда накотившаяся грусть, как будто бы по чему-то очень важному. Может быть светлomu, вечному, а, может быть, совсем незнакомому, даже темному. Впрочем, отличить одно от другого было сложно. Эта тоска обязательно была потом внутри каждое утро, когда я завтракала и собиралась в школу. Тоска по тому, чего не было, но должно было быть. Я не могла определить ее тогда для себя, а сегодня бы сказала: как тоска по вечности, или как знакомство, первое знакомство с этой самой вечностью.

Я сидела за мольбертом, и училась разводить краски, Акварельные, яркие, влажные. Краски лежали в коробке и назывались «Ленинград». Рисовали мы долго. Иногда я смотрела в большое сводчатое окно. Там, за стеклом, была набережная, огни на той стороне Невы, корабли и кораблики, шпиль Петропавловской крепости. Окно было высоко в этой комнате-зале, и мне были видны только отдельные очертания силуэтов на улице, но я достраивала их по памяти. А еще я потом увидела, что на крыше этого музея статуи танцуют, стоят, напряженные в своих позах, и танцуют. Но это я увидела, когда после занятий вышла, наконец, на улицу, и пошла через площадь с огромной монолитной колонной.

Я помню ощущение от голубого цвета, когда я стала разводить краски водой на картоне. Он становился вдруг легким, прозрачным. Я помню изумрудный цвет, тяжелый, удушьющий даже, который тоже можно было наносить на мольберт. Если он смешивался с водой, то становился более легким, не таким тотальным. И было ощущение того, что этот цвет не отнимает все, а просто притягивает, обладает таким свойством.

Потом, много лет спустя, когда я оказалась в Индии, мне даже снились те кольца изумрудные, которые покупали наши делегаты. Я переводила им с английского языка на русский язык, целый день, заходила с ними в сотню маленьких уютных магазинчиков, где отчаянно торговались с ювелирами.

Изумруд обладает странными свойствами. Изумруды волшебные. Моя подруга, правда, говорит, что в Индии изумруды сделаны из советских бутылок шампанского, но это совсем не так.

Изумруды никогда не забываются. Я видела их грани вдруг неожиданно в огромной гостинице, среди статуй, женщин в роскошных одеяниях. Они вдруг светились небывалым светом ниоткуда. Видела я их в своем номере, где ими были разукрашены даже стены. Я видела их в огромном храме, на закрытой территории, куда нас привезли поздней ночью. Там пахло ароматами сандала, дымом, вокруг бегали маленькие обезьянки, и не было ни одного чело-

века вокруг, кроме нашего экскурсовода в чалме, и нашей группы в крытом автобусе-мерседесе. Ночами огромный экран телевизора в гостинице транслировал американские фильмы, по утрам у бассейна суетились одетые в парчу женщины, ресторан ломился от заморской еды, а ночью устраивали ужины на открытом воздухе. Дымилось мясо, лилось шампанское, огнями рампы заливалась сцена, где выступали местные знаменитости. Изумруды были даже среди той пыли, в которой маленькие девочки крутили сальто-мортале, прося деньги, или там, вокруг зданий, которые возвышались недалеко от храма, и куда шли миллионы людей, снимая обувь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.